

18+

Р.С.

ПОТЯНОВ

Конфедерация Премала

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Владимир Потапов
Конфедерация Метала

«Автор»

2023

Потапов В. С.

Конфедерация Метала / В. С. Потапов — «Автор», 2023

Мир мёртв — и он поёт. «Конфедерация Метала» — мрачный и жестокий роман о войне и бессмертии. Это мир, где металл звучит с небес, магия смешана с порохом, а живые и мёртвые давно перестали понимать, по какую сторону они стоят. Главный герой — воитель Конфедерации, солдат бесконечной войны с Бессмертием. Его тело наполовину стальное, душа — израненная потерями. Вместе с братьями вольфрама, жрецами и наёмниками он сражается против армий нежити и некромантов, ведомых Кошчем XVII — властителем Бессмертия. Каждое сражение — адская симфония: экосинтезаторы рвут плоть, вороны пикируют с неба, а небо кричит под соло Метал-Бога. Здесь нет чистого героизма — только грязь, страх, ярость и редкие мгновения философских дискуссий. Это история о дружбе, что сильнее смерти, о потере, мести и выборе — умереть, сломаться или стать тем, кем ты никогда не хотел быть. Это не сказка. Это реквием, сыгранный на искажённых струнах мира. Художник-иллюстратор: Александр Будник Связь @Jopasliznya

© Потапов В. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пробуждение.	5
Глава 1. Врата.	6
Глава 2. Городские развлечения. День первый.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Потапов

Конфедерация Метала

Пробуждение.

Кости заныли, значит, я пришёл в себя. Перед глазами была мокрая скомканная грязь. В ушах звучали сумбурные гитарные рифы, хоть бой и был окончен. Оторвав голову от земли, я начал смутно вспоминать, что происходило до моего отрубания. Множество трупов вокруг. Патлатые и металлические братья вперемешку с нежитью Кошья XVII. Недалеко от меня я заметил движение. Один из мертвецов со сгнившим наполовину, как надкусанное испорченное яблоко, телом, точнее его верхней частью (видимо остальное оторвал снаряд) подползал к мечёвке. Моя стальная рука барахлила и отказывалась работать, а секачет был как раз в кобуре на левой ноге. Можно было бы притвориться мёртвым и дожидаться, пока нежить отползет дальше, да только тварь начала ползти после того, как заметила мои потуги встать. Его упырьские глаза впивались в меня, а полный опарышей язык, вывалившийся наружу, и зло улыбающиеся остатки губ давали понять, что бороться он будет до конца. Даже наши самые лучшие биоскелеты, сделанные из лучших видов метала, порой не могли дать фору этой древней нечисти, которая из всех благ цивилизации пользовалась только современным оружием и экзосинтезаторами.

Когда какой-нибудь монах или священник, любого культа или пантеона, будь он хоть имперский, хоть электросоюзовский, скажет вам, что лучший способ бороться с нечистью – это патроны из святой воды или молитвы через встроенные в горло бас-бустеры – можете смело посмеяться ему в лицо. Лучше всего от нечисти помогает старая добрая осколочная, наспигованная, помимо стандартной начинки, плазмой и очищенным атомом. И мне, отчасти, повезло, ведь одна такая граната висела на ремне павшего бойца рядом со мной. Но повезло лишь отчасти, потому что мне тоже нужно было подползти к трупу, чтобы дотянуться до его ремня на чёрной косухе. И если нежити достаточно взять мечёвку в руки, направить её на меня и начать шмалять, то мне же нужно каким-то образом докинуть осколочную, выждав нужное количество времени. Плюс половина стального тела мешала мне быстро доползти одной не механической рукой. Однако мне ничего не оставалось, кроме как начать впиваться в землю своими железными ногтями и тащить тушку к трупу. Нечисть, видимо, заметила, что я затеваю кое-какие вещи, потому как прогнившие руки существа ускорились раза в полтора. Уши всё также барахлили, так что безумно быстрое соло, которое какой-то лажи продолжало играть с небес, скорее звучало как бабушкин понос. Такие помехи не давали музыке подействовать на синапсы, дабы вызвать выброс адреналина, поэтому мои итак охилевшие силы были на исходе. Мне нужен был ещё метр, чтобы дотянуться до гранаты, а нежить уже почти добралась до мечёвки. Любое промедление, и я труп. К счастью, левая стальная нога снова начала меня слушаться, я привстал на колени, чтобы сделать выпад. Двух пальцев оказалось достаточно, чтобы снять гранату, которая упала на землю и подкатилась к моему лицу. Выдернув чеку зубами, я кое-как дотянулся рукой до грены и наотмашь, сколько было сил, бросил её в сторону нечисти. Мертвец дотянулся до мечёвки и, развернувшись в мою сторону, начал стрелять очередью. Сука, одна пуля прилетела мне в ухо, а вторая задела плечо. Но взрыв всё-таки прогремел. Гул пуль стих, и резкую тишину прервал только слабый стук оторванной головы о землю. Из последних сил я перевернулся на спину. Небо сгущала послебитвенная серая дымка.

– Сука, грёбаный новый день. – глухо произнёс я и отрубился.

Глава 1. Врата.

Моментами я приходил в себя, чтобы снова отключиться от бессилия, потери крови и отключенных передатчиков от мозга к стальной руке. Передатчики от ноги подавали признаки жизни, но крайне неприятными ударами тока между моими органами. Я не мог понять, сколько прошло времени. Небесную серость не пробивали солнечные лучи, но и не затемняли вечерние сумерки. Однако, судя по тому, что трупы близ меня пока не отдавали чересчур неприятным запахом, времени прошло не так много. Неужели мне суждено умереть вот так, после битвы, а мой труп преобразят в ходячую нечисть, или же съедят интеллигентные вурдалаки, отказавшиеся от убийств, утоляющие свой голод трупной слизью? Мне всегда казалось, что смерть настигнет мою плоть где-то у дороги.

Бог метала давно ушёл из этого места, с неба давно не льётся музыка боя, как и душе-раздирающая баллада после или в самом конце битвы. Единственное, что я услышал нового, среди мёртвой тишины реющих кровавых флагов и перекатывающегося мусора – это разрезающие воздух крылья и карканье ворона. Они пришли...

Мертволюбы часто запускают своих ручных воронов кружить вокруг недавнего поля битвы, дабы найти нужное количество трупов для своих владык-некромантов. Либо же чтобы самим нарастить достаточную армию нечисти, получить свой особнячок в Могильной Гряде, и сотку гектаров кладбища для собственной армии скелетов.

Я уже начал молиться Богу Метала, чтобы он поскорее забрал мою душу, ведь никому не хочется вместо смерти существовать в заточении своего отмершего трупа, как вдруг услышал знакомое, немного более басовое, чем у остальных воронов, карканье. И при этом такой глухой звук, будто у него была отрезана половина языка. Совсем как у Смугра, ворона Злыни. Или же мне просто хотелось так слышать? Мои ушные динамики были повреждены, поэтому звуковые галлюцинации для меня сейчас – это норма. Звук ворона был всё ближе. Я зафиксировал глаза на одной точке. Ворон подлетел на мой сектор и стал кружить в ожидании каких-либо признаков жизни на земле. Его карканье всё больше мне напоминало Смугра. Я боялся ошибиться. Однако, если это правда он, и я упущу свою последнюю возможность на выживание... Это будет охрененной блин ошибкой. Решать нужно сейчас, иначе ворон улетит. Резким, но неуверенным движением оторвал глаза от одной точки, поводит ими туда-сюда, а затем начал моргать. Ворон резко прекратил наматывать круги, завис в воздухе, каркнул, и полетел в обратную сторону. Остаётся лишь ждать, либо спасения, либо смерти, либо, что ещё хуже стать "бессмертным".

В этот раз я пришёл в сознание от стука стальных копыт. Кое-как повернув голову, я начал смотреть в сторону нарушения тишины. Из густой мглы показался небольшой отряд на лошадях. В глазах всё сильнее плыло. То закрывая, то открывая глаза, я наконец увидел перед собой копыта стальконя и огненный угольно-красный дым из его носа и глаз. С коня спрыгнул большой патлатый мужик без единого апгрейда тела. На нём была черная накидка, которая была ему явно мала, сумка и ремень со множеством кармашков.

– Серогрусть, нахрен, ты что, выжил, братишка? На, хлебни скульки.

– Чувак, ты что, гонишь? Я же от первого глотка блевану. – я оттолкнул литровую склянку, которую протягивал мне Черногоре.

– Давай-давай, я тебе говорю, легче станет. Будто в первый раз. – он схватил мою руку и поднёс скульку к моим сухим губам, буквально залив пойло через маленькое отверстие. Глотнув сколько смог, я выдал рвотный позыв, спасая свой итак изношенный организм.

– Такой себе из тебя врач, Черногоре.

Он улыбнулся и похлопал меня по плечу. Дальше он достал повязки и пузырёк фиолетового зелья.

– Слушай, а чего ты делаешь в накидке Злыни? И почему ворон не с ним? Он выжил?

– Да, куда он денется, гадёныш. Поскакал с другими ушлыми воителями догонять вурдалаков и мертволюбов, чтобы жалованья побольше получить за убийство видных, так сказать, деятелей мёртвой культуры. "Они итак трупы, уже второй раз, зачем им всё это добро" ну и всё такое. А если попадётся какой-нибудь князёк... – Черногоре обмотал мне совсем свежие раны. – Поэтому он дал своего ворона и накидку, чтобы Смугр видел меня и слушался.

– Слушай, ну раз Злыня доверил тебе своего верного ворона, глядишь скоро и нападки прекратит на тебя.

– Да, каким бы не был Злыня другом, всё же он из Черных Обсидианов. Все они такие, кто похуже, кто получше. Жрецы без веры и верности, реально.

– Примерно подобное он говорит про Братство, когда ты куда-то отваливаешь.

– Примерно подобное он мне говорит всякий раз, когда проигрывает в костиаторы. – Черногоре нанёс мне зелье на рану в районе туловища, от чего я поднял глаза вверх и посмотрел на летающего по полю Смугра.

– Эти ваши устаревшие приколы, конечно.

– А чего? Жрецы, как-никак, внесли свой вклад в зарождение нечисти. – Рана начала пенится и медленно регенерировать рану.

– Как, впрочем, и давние нападки Братства на Жрецов.

– Не отрицаю. – Черногоре хлебнул скульки из своей затёртой фляги, добытой из внутреннего кармана мантии.

И всё же старая добрая скулька спасает, этого у неё не отнять. От бессилия и истощения она быстро дала мне по шарам, стало чуть менее больно, да и некоторое умиротворение пришло. Всё же Черногоре знает своё дело. Это я про скулочное дело, а не лекарство.

– Так, братишка, всё, что мог, я подлечил, дальше тебе путь в аптеку. У тебя твои эти ставни металлические работают? – Черногоре указал окровавленной рукой на мои стальные конечности.

– Не, ни хрена, нога барахлит, руку вообще не чувю. Да и динамики шебуршат.

– Встать можешь?

Я попробовал двинуть ногой. Тяжко. Попытался повернуть туловище, помогая естественной рукой, но тут же отдёргнулся от боли.

– Понял, не шевелись.

Черногоре подошёл к стальнойконе, открыл его боковую створку и достал прицеп. Зацепив прицеп за мою ногу, он включил автоматическое закручивание прута и приподнял меня за плечи, чтобы моя спина, в довесок ко всему, не была стёрта. Максимально подтянув мою тушку и подняв ногу, катушка быстро закрутилась. Черногоре, как на тренировочном поле, при подходе на ноги, присел, схватил меня, и что есть сил подтянул и закинул тяжёлый от стали и разбитый от боёв организм на заднее сиденье стальнойкони. Лёгким движением забравшись на неё сам, Черногоре взялся за поводья и, размашисто тряхнув ими, втопил максимальную скорость.

– Ну чего, блин, следующая остановка – клиника. – сказал он, и пригнулся. На этом я снова потерял сознание.

Сквозь кумар и периодический приход в себя я видел, как мы добрались до повозки, полностью оббитой пластинами, запряжённой двумя большими стальнойкони, с четырьмя колёсами по обе стороны. Между повозкой и стальнойкони располагалась увесистая скамья, за которой сидел возничий и воитель-стражник, экипированный мечёвкой. На повозке с боковых и задней части красовались эмблемы двух скрещенных гитар, одна по форме напоминала гаечный ключ, другая на длинную колбу с микстурой. Это указывало на лекарскую принадлежность повозки, которая зачастую была больше обычных некрытых походных повозок, и больше походила по размерам не нехилую такую палатку. Черногоре и ещё несколько братьев пере-

тащили меня в кабину и уложили на лекарскую кровать, которая автоматически, с помощью шестерёнок, складывалась из нескольких сидений.

– Будешь жить, брат. – сказал мне лекарь, после того как вместе с починщиком осмотрел меня. Затем, со словами «одна песнь, и будешь как новый», он воткнул мне в горло иглу с серой жидкостью, и я отрубился окончательно.

Всякий раз, когда любой человек или любое существо из любого клана метала оказывается на грани гибели, но попадает в руки лекарей и починщиков, его временно вводят в состояние смерти, чтобы максимально излечить и починить организм, не повредив органы. Так же случилось и со мной, поэтому я оказался у каменных высоких врат с выгравированными музыкальными инструментами, черепами, телами изувеченных бессмертием, статными мужчинами, прекрасными женщинами, различными монстрами и чудищами из Топей, кружками скульки, тёмными горами и большим лицом, закрытым вьющимися чёрными патлами, вокруг которого были вырезаны все остальные хаотичные гравировки.

Ворота, которые были на месте губ, медленно и с сильными грохотом вкопались в землю, придав лицу вид кричащего человека. Из ворот вырвались тяжёлые басы, сотрясая всю чёрную землю вокруг и всю красно-белую небесную мглу, но быстро пропали, и на замену им донёсся рычащий гроулинг, обратившийся ко мне.

– Твоё время ещё не пришло, брат. Не пристало тебе пока слушать реальный метал до скончания времён, племенной. Скоро вернёшься в свой мир, а пока покайфуй от моей епишки, чел. Дорога тебе в правые от меня предвратья, сам поймёшь, какие. Но если мой мини-концерт закончится, звук потухнет, а тебя не выкинет обратно, то, братишка, походу тебе всё-таки сюда, шаришь? Короче иди, и ни о чём не парься, чувачок.

На прощание выдав мне быстрый гитарный риф, ворота закрылись, а справа послышалось медное скрипение. Гравировка с патлатым угрюмым мужиком в косухе и поднятой гитарой в стальной кибер-руке находилась между большим раскаченным мужиком, который мечом открывал бутылку скульки, и мужиком в мантии, с вороном на плече, воздевшим руки между головой и грудью. Средняя гравировка медленно раскрылась в разные стороны. Как только я переступил порог ворот, из темноты донеслось безумно быстрое вступительное соло, которое подхватили тяжёлые барабаны с басами, а затем пронзительный мелодичный скрим. Полутусклым концертным светом озарялся только готический диван, на котором, с одной стороны, сидела девушка с чёрными волосами, вулканического цвета телом, и фиолетовыми глазами с ромбовидным зрачком, в чёрных невысоких сапогах и корсетом. С другой стороны сидела беловолосая девушка, с молочным телом и голубыми глазами, одетая в лёгкое белое платье, а на её тонких манящих ногах красовались каблуки, верёвки от которых шли до колен. Они зывали меня к себе. Я сел между ними, раскинул руки и тут же, не желая этого, полностью расслабился. Девушки прильнули ко мне, и начали хихикать и переговариваться между собой на неизвестном мне языке. Из темноты вышла ещё одна девушка с фиолетовыми волосами, в стальном топе, легкой кожаной юбке и разноцветных гольфах. Она подошла к нам, держа в руках поднос.

– Выпей это. – тонким голосом сказала она и дала непонятного цвета напиток, улыбнулась и села ко мне на колени.

Закинув бокал, вся жидкость мигом влилась в меня, в глазах всё начало становиться всё ярче и ярче, перед ними появились различные фракталы, которые соединялись сначала в силуэты, затем в хаотичные картинки, затем в целый разнообразный видеоряд, который менялся под влиянием тяжёлых, сумасшедших, бешеных ритмов. Я полностью выпал не только из реальности, в которой я был до предсмертия, но и из того мира, в котором находился сейчас.

Каждому в предсмертии уготован свой концерт и свой диван. Если у предсмертника есть пара, то на диване сидит проекция того человека, которого он любит. Кого-то на диване ждёт

семья, и те, кто ещё жив, и те, кто уже в этом мире. Других же на диване ждут братья по оружию, или верные друзья. Бывают и те, у кого на диване лежит множество золота и различные атрибуты богатой жизни. У всех разное ожидание предсмертия, но все получают максимальное наслаждение от него. У таких, как я, чьи помыслы не цепляются ни за что в предсмертном мире, которые ничего от него не ждут, диван и видеоряд просто проецируют самые незамысловатые удовольствия жизни. Главное – выйти из этого концерта до того, как музыка стихнет...

Галлюцинации становились всё ярче, музыка всё громче, а тело всё больше переставало заботить. Я уже не понимал, что нахожусь в предсмертии, мне казалось, что так было всегда, что так будет всегда. И вдруг всё на долю секунды замирает, и эффекты, будто плёнка, начали отматываться назад. Фракталы стирались, тело наплывами давало о себе знать, лишь музыка не стихала. И вот пред глазами снова предстаёт сидящая на коленях деваха и две другие, прижавшиеся ко мне с двух сторон, и тёмная комната, которая тут же пропадает от резкого света. Свет раздражил мои глаза и заставил их раскрыться, взгляд упал на лекаря и починщика, и чёрный кирпичный потолок. Наступила тишина.

– Наслухався? – посмотрел на меня весёлый мужичок в возрасте с очками, у которых объёмная оправка была в виде двух барабанов. Он взял стальной планшет, на котором были чёрные листы бумаги, и ручку из чёрного дерева, обрамлённую стальными креплениями. Дорогие предметы для записи, которые используют только в медицинских и управленческих целях.

– Проверь свои ушные динамики, а заодно и руку. – сказал мне починщик, складывая инструменты в переносной стальной чемодан.

Напрягая электрические синапсы, я начал стараться двинуть пальцами. Заработало.

Дверь в палату медленно открылась, из неё появился Черногоре. Сжав кулак около своей головы в качестве приветствия, он уже собирался закрыть дверь, как вдруг резко её оттолкнул Злыня и его взрывной характер ворвались во врачевальню.

– Сколько можно ждать? Ваши копошения, грёбаные последователи, уже задолбали. Во славу обсидиана, неужели нельзя просто дать ему отвар из щепок, смазанный внутренностями подгнивающего бессмертника, чтобы быстро восстановить его здоровье? Ваши все эти пилюли, капельницы и прочая хрень...

– Да заткнись ты, что ты вообще знаешь о врачевании, болтун? – Черногоре толкнул в плечо Злыню, как тут же через прорезь в стене, исполнявшую роль окна, влетел Смугр и повис в воздухе прямо перед лицом Черногоря, размахивая крыльями и каркая.

Злыня стоял и также, утверждая своё имя, злобно и немного иронично смотрел на Черногоре. На его немного худощавом теле был потрепанный длинный тканевый плащ из чёрного сукна с капюшоном, из под которого вылезали чуть сальные чёрно-красные волосы. В одной руке он держал чёрный кривоватый посох, на конце которого была вырезана голова ворона, изо рта которого выпирал кривой изогнутый нож острием вперёд, а другой рукой, чёрной, словно пепел, он жестикулировал во время любого, хоть немного эмоционального, разговора.

– Я? Знаю ли я что-то? Да ты хоть знаешь, ты, безголовая груда мышц, что в своём капище я был зельеваром, специализирующимся на излечении от различных недугов и послебоевых ранений? Я хоть что-то в этом смысле, братец. – размахивал своей обожжённой кистью Злыня.

– Да что ваши зелья, что пилюли, всё это хрень полная. Хорошо отваренная скулька и крепкий организм – вот что способно излечить от всего. Даже такого хилого балабола, как ты.

– Тебе легче отрезать язык, чем что-то объяснить, да только он даже в качестве самого примитивного дара Метал-Богам не подойдёт.

– Убери от меня свою сраную птицу, и я покажу, как без всякого острия можно вырвать гнилой язык одной рукой. – Черногоре дёрнул головой, припугнув Смугра.

– Господа воители, будьте так добры, разберитесь в ваших отношениях за дверью, вы мешаете нам излечивать вашего брата. – с ехидной улыбкой высказал престарелый лекарь.

– Да, свалите отсюда. – добавил, не отвлекаясь от работы с моей рукой, починщик.

– Мы бы свалили, да только наш отряд собирается отъезжать в Крайград. – отмахнувшись от Смугра, ответил Черногоре.

– А предводитель не готов вызывать каждому не вовремя оклемавшемуся раненному по повозке. Совет платит не так много монет, чтобы войско могло себе это позволить. – добавил Злыня.

– Ваш брат пролежал тут слишком мало, он ещё не готов к поездке. – упорствовал на своём лекарь.

– Двух дней разве недостаточно?

– У него были сильные повреждения, нейроны уже восстановились, но нервные импульсы срослись не до конца, и...

– Два дня? – перебил я. – Я пролежал здесь два дня?

– И стоит пролежать ещё хотя бы дней пять-шесть, как минимум.

– Шесть дней? Во имя богов, да вы рехнулись? – застучал Злыня посохом по своей голове.

– Вы можете дать ему что-то, чтобы он сам как-то там восстанавливал свои эти нейроны? – спросил Черногоре, почёсывая патлатую голову.

Лекарь задумался на минуту, посмотрел на починщика, затем на меня.

– Ну, в принципе, я могу вколоть ему некоторую инъекцию, которая позволит автономно, или, как вы выражаетесь, «самому как-то восстанавливать эти свои нейроны». Но, во-первых, эта инъекция ещё не до конца изучена, то есть она, конечно, прошла все необходимые испытания, чтобы ввести её в оборот, но количество людей, которым вводили данную инъекцию, не особо высок, да и времени на выявление результатов биотика на организм в долгосрочной перспективе прошло немного, в связи с чем существует некоторый, пусть и недостаточно высокий, риск, а во-вторых, – он сверкнул глазами и многозначительно поводит бровями. – у нас не так много запасов этих инъекций, а они изначально были предназначены для тех, у кого намного больше повреждений, лавирующих на грани жизни и последней песни, так что... если вам это так необходимо, нам нужна некоторая плата, чтобы заказать недостающее количество инъекций, ибо такая проблема будет, если мы введём одну из вакцин вашему воителю.

Злыня и Черногоре переглянулись. Черногоре мотнул головой в сторону, выпятив подбородок, как бы о чём-то говоря Злыне, а тот, в свою очередь, повернулся, и, в своей вальяжной и немного дёрганной манере, начал подходить к лекарю.

– Ну тогда подойди к предводителю нашего отряда и сам предложи ему взять из казны Совместного войска дополнительные деньги на излечение одного из бойцов, чтобы войско заплатило ещё больше, чем платит вам сейчас.

Злыня подошёл вплотную к лекарю и со злой иронией посмотрел на него. Починщик начал подниматься со своего стула, на что отреагировал Черногоре, начав медленно подходить, хрустя шеей и разминая руки с кистями. Я взял починщика за руку, и, когда он посмотрел на меня, с предостерегающим выражением на лице помотал головой.

– Тогда я могу совсем не вкалывать инъекцию, пусть ваш брат отлёживается. – ехидно блеснул глазами лекарь, поправляя пальцем очки.

– В таком случае придётся уведомить нашего предводителя о том, что ему также придётся изымать деньги из казны за повозку на одного человека, так как остальные лекари и починщики убеждены к завтрашнему утру отпустить раненых.

– Не думаю, что ваш предводитель будет рад тому, что вы заберёте не оклемавшегося воителя, и вряд ли он что-то будет предъявлять нам, ведь как раз мы... делаем всё, что должны делать.

Злыня опустил уголки губ и закачал головой.

– В самом деле? Да вот только когда предводитель узнает об этой новой инъекции, которую вы не стали ему вкалывать, желая прокатить на своей повозке или, не знаю, повозке своих знакомых, воителя его отряда, вряд ли он будет доволен. А там уже и войскам станет инте-

ресно, на что они выдают дополнительные расходы, как и Совместному Совету. А там уж и само Вече, глядишь, заинтересуется, почему это лекарские скорые повозки не выдают столь необходимые инъекции в столь необходимые моменты, на исследование и создание которых, скорее всего, оно вложило нехилые такие монеты, предположительно для ускорения боевых действий против наших недомёртвых недругов.

Лекарь изменился в лице, недоброжелательно зажевал губы, и, гневно дёрнув глазом, пошёл к одному из шкафов, проговаривая сквозь зубы:

– К утру можете забирать вашего друга, господа – лекарь громко кашлянул. – воители.

Злыня проводил недобрым взглядом лекаря, слабо ухмыльнулся, затем перевёл глаза на меня, пожал губами, и пошёл в сторону выхода. Черногоре сплюнул, не отводя взгляда от такого же взвинченного починщика.

– Пойдём, бугай. – не останавливаясь обратился Злыня к Черногору. Черногоре, продолжая глядеть на починщика, попрощался со мной.

– Давай, Серогрусть, поправляйся. Завтра нас ждёт дорога.

Они вышли из помещения.

– Какие у вас, кхм, оригинальные сослуживцы. – набирая шприц, недовольно заключал лекарь.

– Проходимцы. – сдерживаясь, dokonчил починщик, и уселся обратно на свой чёрный аскетичный стул со спинкой в форме отвёртки.

Я решил промолчать. Лекарь постучал пальцем шприц, выдавил часть раствора, выпустив воздух, и сел на табуретку возле моей кровати.

– Ибунейродуб содержит в себе молекулярную структуру, схожую с гипнотиками, или, иными словами, со снотворным, так что после введения инъекции тебя будет шибко клонить в сон. Не сопротивляйся, лекарство сильнодействующее, поэтому организму лучше всего расщепить биотик в состоянии покоя. Проспишь ты скорее всего до середины ночи, а с пробуждением будет немного кружиться голова, ломить тканевые конечности и, возможно, чуток побивать током нервные окончания, соединённые с металлическими соединениями. На тумбочке я оставил две чёрные таблетки, это обезболивающее. Выпьешь одну таблетку, должно полегчать. Если треморы, покалывания или какие-либо ещё болезненные ощущения будут продолжаться, выпей вторую. Если же всё сгладится, возьми оставшуюся таблетку в дорогу, на случай возвращения негативных эффектов.

Укол был на удивление болезненным, будто мне под кожу не залили, а запустили каменные субстанции. Я резко вдохнул через стиснутые зубы.

– Это нормально, сейчас рука будет поднывать, но снотворный эффект переосилит боль.

– Мне нужно будет что-то делать там, ну чтобы не помешать процессу этого лекарства? – я смотрел на покрасневший участок на руке.

– Отнюдь, ибунейродуб полностью всасывается за двенадцать-шестнадцать часов, половину этого времени или даже больше ты проспишь, оставшееся время всасывания у тебя в принципе не будет желанием заниматься какой-то физической активностью. Разве что скульку не пей.

Лекарь дособирав свои принадлежности, подзывающе похлопал по плечу починщика, который как раз закончил какие-то махинации с паяльником, они выключили свет и вышли из комнаты.

– Быстрей бы уже гильдии распространились. Лажа бы побрала эту работу. – недовольно пробурчал лекарь починщику, закрывая дверь.

Остался только я, ноющая рука, резкое и сильное накатывание сна.

Глава 2. Городские развлечения. День первый.

Войсковая повозка потряхивала как никогда прежде. Голова отдавала приглушённым болеутоляющей таблеткой гулом, а мышцы и нервные окончания никак не могли расслабиться. Хоть таблетка действовала достаточно эффективно, я всё равно понимал, что внутри всё разрывается от боли. Видимо, поэтому так укачивало и подташнивало. Я старался поменьше говорить и концентрироваться на том, чтобы не блевануть, но сделать это было крайне сложно, ведь Черногоре то и дело толкал меня локтём или похлопывал, вовлекая в разговор и свои исторические похождения где-либо и в чём-либо.

– Да не мог ты выпить 25 скулек за одну ночь в кабаке, да ещё и подраться с местным верзилой. – говорил Тёмногонь, один из наёмников в нашем Совместном Войске из Княжества Хард-Рока, самой близкой к нам провинции Империи Рока территориально и по духу. – Конечно, я слышан о силе и выносливости вольфрамцев, и не спорю с этим фактом, но типа даже чисто физически это нереально.

– Я могу доказать это делом. Зайдём в один из кабаков Крайграда, там я тебе и покажу, рокер, на что способен мой народ! – Черногоре постучал себя кулаком по груди.

– Ваш народ только и умеет пить и драться, это знают все и этим никого не удивишь. Лучше, я не знаю, заработай быстрым способом монеты, задвинь какую-то заумную дичь, или, на худой конец, расскажи мне стих из Заветов Гастролёров, от такого я действительно буду поражён. – иронично влез в разговор Злыня.

– Чел, ты... – попытался разрядить обстановку, которая нависала за всю дорогу между Черногорем и Злыней уже не в первый раз, Чернижка, ещё один воитель, мой соплеменник, родившийся в маленькой глухой деревеньке.

– Ваши обсидиановые жрецы и веруны во все эти многобожеские бредни постоянно пытаетесь задеть моё Братство, но на это смешно смотреть. Об таких, как вы, даже руки марать не хочется. – обращался к Злыне Черногоре, продолжая смотреть на Тёмногоня. – Тем более, что ваши прикиды больше походят на бабкины обноски, а стариков как-то негоже трогать.

Дружинники из Братства Чёрного Вольфрама начали хохотать. Несколько воителей моего племени кинули глухие смешки.

– Какой толк обсуждать одежду с теми, кому неизвестно, какого это – ходить в одежде, ведь для её производства нужна хоть толика мозгов и хотя бы мизерные человеческие умения. – Напыщенно огрызнулся Злыня. В ответ на его слова пришлось улюлюканье Жрецов Чёрного Обсидиана и парочка одобрительных выкриков людей моего края. – Да и имеет ли смысл в принципе что-то доказывать голым сгусткам мышц, готовым спать буквально на грязной земле, которые ещё и гордятся своим скудоумием, оправдывая неумение создать даже примитивный спальник какой-то борьбой с каким-то божественным небом.

Началась очередная массовая словесная потасовка, в которую, будто бы с превеликим удовольствием, втягивались, по большей части, воители из Братства Мёртвого Вольфрама и Жрецы Чёрного Обсидиана. Воители из моего Племени Тяжёлой Стали в происходящем заняли разные стороны: кто-то хохотал и угрожал совместно с Братством, кто-то огрызнулся и иронизировал со Жрецами, кто-то пытался разрядить обстановку, предотвратить вполне осязаемое рукоприкладство, а кто-то, в число которых входил и я, просто продолжал заниматься своими делами, думать о своём, короче говоря, не принимал активного участия в эдаких культурных дебатах.

Но, сказать по правде, мне всё же забавно было замечать неумолимое негодование на лицах наёмников из заграничных территорий. По большей части в Совместном Войске были наёмники из городов и деревень Княжества Хард-Рока, граничащей с нами и Бессмертием провинции, входящей в состав Империи Рока, одной из двух империй, что наравне со Священной

Поп-Империей (которую некоторые называли «спи», но в большинстве своём сказать «поп-империя» было проще) имеет огромное влияние на политику, дипломатию и экономику по всему миру. Когда кто-то хотел упомянуть сразу обе страны, то, зачастую, использовал лаконичную вставку «из империй». В нашем отряде вышеупомянутый Тёмногонь как раз родом из столичной области этой провинции. Также активное участие из Империи Рока в нашем Войске принимают наёмники с провинции Рокабиллистов. Раньше огромное количество местных наёмников составляли бойцы из Племени Панков, но сейчас, в связи с обострившимися отношениями в данном регионе, с этой провинцией границы закрыты.

Помимо названных народов среди наёмников в небольшом количестве есть авантюристы: Габберы и Индустриалы из Электросоюза, Руд-Бои с территорий Культа Джа, Опричная Олдскулов из Цартсва Рэп-Игры. Граждане Поп-Империи совсем не интересуются нашими «варварскими» делами, а для существ из Организации Золотого Тельца границы наших народов закрыты, хотя Воины Анбаиса и гремлины были бы не прочь собрать профиты с этой войны, направив к нам орды бездушных големов и малоразвитых гоблинов. При этом с Бесмертием они всё же торгуют, выкачивая оттуда златые с кощеевской чеканкой и закидывая имеющих сознание упырей и вурдалаков дешёвым товаром, а некромантов и князей более дорогими побрякушками. Про Топи и говорить нечего, ну, вы знаете, эти Топи... Там только охотиться на ближайших к Электрическому Барьеру территориях, что стеной проходит по всему их континенту, не считая небольшой территории вдоль побережья, которая используется различными авантюристами, которым нечего терять, да впадать в лютейший ужас от древних животных и прочих существ, обитающих в этих никем не тронутых пустошах.

И во всём этом многообразии народов, с разной культурой, языком и окружающей природой, их объединяло одно: выражение лица во время наблюдения за очередным неистовым хейтом между Братями и Жрецами. И вот я снова смотрю на Тёмногоня, который искренне пытается понять аргументы ненависти обеих сторон по отношению друг к другу. Хотя, кто знает, возможно именно он окажется первым человеком, который сможет решить эту многовековую взаимную неприязнь одними лишь словами.

Однако, как бы я ни пытался сконцентрироваться на Тёмногоне, холиваре или своих мыслях, укачивать всё равно не переставало. Поэтому я решил заострить своё внимание на окружающей природе. Кто-то скажет, что смотреть тут не на что. Справа и впереди бескрайние степи, сзади выжженная земля и столпы чёрного смоляного дыма, а слева возвышаются стоящие стеной, впритык друг к другу, чёрно-красные горы и кислотно-зелёные холмы. Но я же видел в этом некоторую прелесть. Как человек, рожденный в Великом Металграде, с детства окруженный жилыми стальными зданиями в несколько этажей, правительственными постройками и центральной столичной площадью, заводами и мануфактурами, объединённых дорогами из камня и железа, а за пределами столицы наблюдавший лишь хаотично разбросанные по серо-коричневым равнинам угольные шахты, железные рудники и каменоломни, между которыми то и дело мелькали впитавшие в себя городскую жизнь деревни, да торговые посты с разноцветными палатками и крытыми рынками, я был заворожён степной землей цвета чёрной золы, контрастирующим с небом цвета белой постели. Мне также было удивительно каждый раз рассматривать эти природные возвышенности на территории Жрецов, успешно пытавшимися произвести впечатление своими сюрреалистично яркими цветами ядовитого зелья и только что выпущенной из артерии крови. Болотисто-горная местность Чёрного Обсидиана влияла на атмосферу, поэтому небо отдавало коричневатыми оттенками, как слегка закоптившееся на вертеле мясо. Но, при этом, цветовая палитра юга и северо-запада оказывалась однородна, их краски плавно перетекали друг в друга, создавая единую картину цельного мира под сенью Врат и Конфедерации. Но всё это зрительное великолепие затмевалось криками, руганью и спорами, которые распространились по всем повозкам, и чей напор не могли остановить даже главнокомандующие...

Однако весь этот гул исчез за секунду, по мановению волшебной мечёвки, как только мы подъехали к посту Крайграда. Две невысокие трёхэтажные башни из чёрного кирпича, облицованные металлическими пластинами у основания и под машикулями, и защищёнными костяной черепицей крышами, собранной с нежити, стояли между увесистым широким чёрнокаменным шлагбаумом, который поднимался, опускался и в целом держался благодаря механизму, пристроенному к правой башне. У поста стояли бойцы Братского Войска, набранные Грань-областью. Они были оснащены мечельбами, особым видом мечёвок с удлиненным остриём для большей схожести с мечами, которые производят малочисленные кузнецы Братства Мёртвого Вольфрама, и плотной, но эластичной шкурой. Также на сторожах были пластинчатые стальные доспехи, но, чтобы не стеснять движения рукопашных бойцов, защита была надета только на определённые части тела. Реформа усиленной защиты границ обязала пограничные отряды жрецов и братьев носить доспехи в местах, максимально не ущемляющих традиции и стиль боя этих народов.

По обе стороны шлагбаумов стояли два сторожа, единственных из всего отряда державших заряженные мечёвки, а не рукопашные мечельбы. Из технологических новшеств также были остромёты, тяжёлые машины, выпускающие обильное количество острых, размером с фалангу пальца, объемных лезвий, по три на каждой башни, один из которых смотрел на северо-восток, другой на восток, а третий, соответственно, на юго-восток. По два воителя на каждый остромёт. Каждый такой пост относительно равноудалён друг от друга соответственно обзору и исходя из типа местности по всему периметру восточной части Грань-области. Дозорный на правой от нас башне заметил войско в дальноточку ещё на полпути от лагеря сбора, в котором я отлёживался.

Самый легко одетый вояка с местами поседевшей бородой и волосами, глубоким незаживающим и гнилостно-зелёным шрамом на лице, с некачественными татуировками от плеч до кистей по обеим рукам, вышел из чёрнокаменно-стальных дверей левой башни и, медленно и насуплено направившись в нашу сторону, начал допрос.

– Кто будете?

– Седьмая Дружина Совместного Войска. – не слезая с возницы ответил Чревосмерть, предводитель нашей дружины, мой соплеменник.

– Зачем в Крайград едите?

– Перегруппироваться, набраться сил и возможного провианта. Дальше путь держать будем на северо-запад. Там, в Братских Степях, между Крайградом, Степным Рогом и Вольфрамском, будет стоять Войсковой лагерь.

– Сколько гостить собираетесь? – наконец дошёл до похода глава сторожки и похлопал по одному из упряжённых стальконеи, на глаз проверяя его состояние.

– Предположительно два-три дня. – также чётко и вымощено отвечал наш главный.

– Как предводителя звать?

– Я, Чревосмерть Перлитнский, предводителем и буду.

– А, с Перлитны. Племенной, значит. Слышал я о тебе, Чревосмерть. Говорят, тактик да стратег ты добрый, только сам в бою шибко не блещешь. – сторож оскалился глухой ветеранской улыбкой.

– Не время спорить об уме и физике, старожил, дружине нужен кров. Есть ли койки в Крайградских кабаках, тавернах, корчмах?

Сторож немного потупил в землю, почёсывая усыхающую бороду.

– Да должны быть... А сколько вас?

– Триста четырнадцать людей с оружием, восемь инженеров и двадцать восемь помощников, возникших и оруженосцев.

– Да, многовато конечно... Ну, коли в кабаки да корчмы не уместитесь, наши городские приютят на чердаках да подвалах Разнорабочего. К тому же время сейчас тёплое, так что часть может обустроиться в полях на сеновалах чуть южнее городских стен. В довесок, на полях тех, есть заброшенная мельница в три лестницы, примерно как наши башни, можете и там прилечь. Всё равно большинство мирных в войска али отряды ушли.

Чревосмерть слушал, периодически вырезая необходимую информацию металлическим прутом у себя в дневнике из тонкой цезиевой бумаги.

– Ярмарка в окрестностях будет проходить?

– В горьдень должен приехать, малая ярмарка из столиц обоснуется на центральной площади, большая будет стоять на Торговом Вале, что под восточной частью стены, слева от Разнорабочего района.

– Через два дня центр восток. – проговаривая про себя, записывал воевода.

– Только пошлину надо заплатить за проезд.

Без подзывания с предводительской повозки слез старый жрец, подошёл к сторожу и дал ему мешочек с монетами. Сторож недобро посмотрел на жреца, с некоторым презрением проводил его взглядом, и начал считать.

– Так ведь тут старый ценник. Вы не слышали? Вече подняло пошлины, на восстановление пострадавших от войны городов, деревень постов и дорог, а также на обучение новых отрядов, дружин и ополчения. – процитировал новый закон старожил.

Воевода на несколько секунд призадумался.

– Закон есть закон. Сколько там теперь?

– Вместо полмедняка с дружинника положено три четверти.

– Обдираловка. – буркнул молодой жрец, собираясь начать перепалку, но старый жрец, хранитель казны, быстро одёрнул своего ученика, продолжая отсчитывать сумму.

– Вы бы держали своих жрецов в вороньих рукавицах. – выкрикнул один из сторожей с мечельбой.

– Умолкни, Гореслав. – утихомирил своего подчинённого главный сторож. – А то они сейчас начнут...

– Вечевой закон Конфедерации Метала запрещает разжигание ненависти по отношению к любому из трёх народов, вам ли, у границы, этого не знать? – всё также твёрдо и без эмоций скандировал Чревосмерть.

– Ну вот, говорил же. – закончил сторож.

– Тем более по отношению к Совместному войску, ведущему непрерывную борьбу с Бессмертием и решающему внутренние тяжёлые конфликты.

– Да-да, я и мои ребята знаем законы Вечевого Совета и чтим их, просто мой вояка немного не привык к такому количеству, кхм, жрецов в одном месте. – с некоторой неприязнью ответил старожил. – До нас законы хоть и доходят через считанные дни после столиц, но вот из жителей старые истории так легко не выбьешь.

Хранитель казны доложил нужную сумму в мешочек поменьше и снова подошёл к старожилу. Хоть он это и хорошо скрывал, и морально боролся с этим, но во взгляде жреца тоже можно было прочесть нотку презрения. Но не то презрение, которое бывает у жертвы к истязателю, и даже не то презрение, с каким смотрят на тех, кого хотят полностью изничтожить, которое читалось во взгляде сторожей, но такое презрение, с каким господин смотрит на раба, считающий себя безмерно умным или богатым на глупого и бедного, или, как это бывает в различных империях и королевствах, человек голубой крови на простолюдина. Наверно, с таким взглядом жрецы раньше ловили братьев для обрядов или на продажу в Бессмертие. Впрочем, думаю, взгляд старожила также уводит нас в моменты сожжения братьями деревень жрецов и вырезанием населения. То были очень суровые времена, времена жестокие. Хотя, конечно, локально происходят подобные вещи до сих пор, но сейчас у нас хотя бы есть закон Вечевого

Совета. И этот закон могут не любить, особенно былые поколения. Но закон есть закон, и с ним ни выйдет не мириться.

Крайград встречал нас своими высокими чёрнокаменными стенами, обитыми несколькими слоями тантала бойницами и башнями, но главная достопримечательность была единая статуя, состоящая из двух братьев высотой в метров девятнадцать-двадцать. Один из братьев с морщинами, редкими волосами, с накидкой дикого хищника, не то нашего, не то твари с Топей, с меховыми шкурами на предплечьях и нижней части торса. Остальной торс голый, как и босые ноги. В одной руке он держит древний топор из грубо обработанного камня, а другой передаёт первобытный гитарный гриф, с помощью которого, по поверьям братьев, суждено если не возвыситься, то стать равными богу, или богам метала, второму брату. Второй брат стоит напротив первого брата, вдоль дороги. У него длинные волосы, выбритое лицо, голый торс и руки, но узкие облегающие штаны и тяжёлые ботинки. Одной рукой он держит часть обращённого к нему гитарного грифа, а другой вздымает ввысь одну из первых мечельб современной конструкции, на конец которого насажена голова нежити.

Эта скульптура является, по сути, предвратьями к городу.

Проехав под сенью грифа и падающих от голов теней нам открылось пустое пространство вдоль дороги, ведущей до главных ворот. Слева, как нам и говорил старожил, были видны слабо растущие поля, редкие домики и неподвижная мельница. Справа были хаотично разбросанные дома, шалаши и палатки, за которыми следовали слегка поросшие травой глухие равнины. Сама крепость была обнесена острыми танталовыми кольями, перед которыми виднелся ров вокруг всего города с чёрной смолой. Сторожу, который спешил предупредить Братский Сбор о воинском пришествии, только открыли ворота, поэтому наши повозки замедлились, дав воителям понаслаждаться видами.

– Эх, сейчас с семьёй увижусь. Материнской похлёбки съём, да под батину самодельную скульпку, м-м-м. – приговаривал Дубобит, наш воитель и друг из Братства, распластавшись на скамье.

– А где ты живёшь, мужик? – спросил Тёмногонь, встряхнув толстые дреды.

– А вон, в разнорабочем квартале. – Дубобит указал на скопление хаотичных домов справа. – Третий дом от рва, второй от торгога. Отец на ярмарках помогает обставиться приезжим и своим. Ну и так, по плотничеству помогает соседям, за монету или за спасибо. А мать в полях работает.

– Так они же заброшены.

– А мать говорит у них там в три поля от мельницы, чуть западнее, есть несколько рабочих пахотен, на них всех работников и собрали.

– Я слышал, что Крайград – самый чтущий традиции город в братстве.

– Был когда-то, но сейчас технологии племени и культура Империй дошли и до наших земель. Сам видел, что братья-сторожа с вашими, вашими, – потыкал пальцем Дубобит на нас с Чернижкой. – мечёвками, в мундирах металлических... А вон, глядите, и гонец поскакал на стальконе. Приди ты сюда лет пятьдесят назад, встретил бы башневых без защиты, с мечами и срущими лошадьми. Да и сами братья, скорее всего, под грибной скульпкой были бы, на галлюнах стояли. Жрецов скорее всего бы пустили, да только вряд ли так спокойно проход состоялся.

– Это разве спокойный проход?

Все посмотрели на Тёмногоня и засмеялись, что братья, что жрецы.

– Ну вы и дикари, чуваки.

– А вот эта вот, грибная скульпка, она ещё разрешена? – спросил Тёмногонь, падкий на разного рода психоделики.

– Не. После того, как Братья подали жалобу на действие грибов для армии там, на подростков и всё такое, совет запретил производить и продавать грибы. Особенно на запрет повлияли жёны и матери, обычное дело.

– А что, хочешь опробовать? – Черногоре со смешком хлопнул Тёмногоня по плечу.

– Слушай, ну от таких вещей тяжело отказаться. – ответил Тёмногонь, доставая из внутреннего кармана своей джинсовой куртки без рукавов, украшенную различными нашивками и заклёпками, небольшой свёрток с каким-то порошком, который рокер закидывал в нос примерно каждые несколько часов, с перерывом на скульку и портативный дымоход, сжигающий контрабандный табак с помощью какой-то нагревательной системы.

– Помню, в Степном Роге когда был, заходили мы в одну пивную, так там нам из под полы дали по стакану скульки этой на грибах, в обмен на наш, тоже теперь запрещённый, травяной пузырь. Штука отменная, эта грибная скулька. – добавил Злыня.

– А что за травяной пузырь? – спросил Чернижка. – Про грибнуху я знаю...

– Да-да, что за травяной пузырь? – Тёмногонь слегка ускорился, потирая нос.

– Настойка такая, в крах моих делается. – объяснял наш жрец, поглаживая Смгура. – Вырываются особые сорта травы, растущей на священных полях, где когда-либо разверзались небеса и боги играли музыку. Эти сборы смешиваются с кровью ворона, для мягкости и длани, а дальше либо высушиваются и курятся через трубки из костей воронов или бессмертных, либо, если ты хочешь заглянуть дальше развлечений и погрузиться в сознание наших богов и сотворённого ими мира, то стоит сделать настойку. Её можно закрафтить на обычной черновоме и скулечном спирте, но если тебе удастся добыть мёртвую воду, или же, что ещё лучше, достать кровь только что убиенного неживого, то боги воздадут тебе истинно благостный трип.

– Что же, надо проверить, лучше ли ваши бадяги, чем порошкошин моей Империи. – Тёмногонь положил руку на плечо Чернижки, который просяще протянул руку за дымоходом рокера.

– Слушай, Дубобит, может у тебя тут тоже в городище есть где найти старую добрую грибнуху? – вопрошал Черногоре.

– Ну, в принципе, есть у меня друг, который, по крайней мере, когда я уезжал из дома в последний раз, пил грибнуху чуть ли не каждый день. Я могу найти его и расспросить.

– Только если вдруг найдёшь, нам скажи. – сказал Черногоре и посмотрел на сидящих в этой повозке.

– Я бы не отказался чем-то встаться после этой больнички. – слегка подтягиваясь на скамейке оповещал я о своём согласии вписаться.

– Я был бы не прочь повторить грибное опьянение. – Злыня достал из кармана корм и принялся кормить своего ворона, а на лице его читалось предвкушение чего-то интересного. – Только в этот раз настойки у меня нет, так что на мою взятку можете не рассчитывать.

– И я бы пошёл. – ответил только что оторвавшийся от видов Чернижка, пуская пар за повозку.

– Грешные это всё пития, они от богов отдаляют, хвастовству собственной головы учат. – внезапно вмешался какой-то жрец, всё это время слушающий наш разговор.

– Остынь братец, что ты заладил, боги да боги, не увидят ничего боги твои. – успокаивал земляка Злыня.

– Боги всё видят. – поднял палец вверх жрец и покрутил им.

– Они видят потому, что ты об этом думаешь и этого хочешь. "Боги видят". Да и пусть видят. Они мне не платят за то чтобы я не пил.

– Я уважаю твою прилежность Подземному Метал-Богу за твоё восхваление богатства как дара богов, но я всё же несколько раз обдумал, прежде чем принять это предложение, и вам советую одуматься.

– Нахрен богов, мне нужна кружка грибнухи! – затрясся молодой Чернижка, совсем недавно получивший права совершеннолетнего.

– Ладно, спрошу у друга, он живёт у стены внутри города. Главное, чтобы пустили.

В унисон словам Дубобита ворота раскрылись, и из-за стен показалась делегация из двух выборных тысяцких, выполнявших роль городской власти, старый и молодой, за ними вышли городской воевода, казначей и судья. Далее на стальконе двигался сторож. Чревосмерть дал знак остановить повозки, распластавшиеся в три ряда, не считая первой повозки, слез и пошёл им навстречу вместе со своим оружейником, двумя хранителями монет, и тремя воеводами, каждый из которых отвечал за свою часть Войска. Встретились они по обычаям братьев: ударились, будто молотками, предплечьями правых рук, поднятыми на уровне груди, а затем обнялись, похлопав друг друга по одной из лопаток. Более сложный метод традиционного знакомства по сравнению с нашим племенным рукопожатием, но проще чем жреческие приветствие с поклонениями, возданиями рук и какими-то кистевыми узорами-знаками, каждый из которых отличается в зависимости от области и поклонения одному из богов как центральному. Молодой тысяцкий говорил чаще и более эмоционально, но поглядывал на старого тысяцкого, который в основном молчал и периодически то кивал, то двигал плечами, то мотал головой. Разговор тянулся дольше обычного.

– Только не говорите, что ночлежки не будет... – заволновался Дубобит.

– Да я уже готов хоть где обосноваться, хоть здесь, напрямиком под повозкой. – разверзлся уже настроившийся Злыня.

– Думаю казнохраны и Чревосмерть вряд ли тут что-то сделают. Наши тысяцкие упрямые. – сетовал Дубобит.

– Они пытаются решить всё по правилам нового кодекса, чтобы дело было решено между народами, а не посредством землячества. – вмешался я.

– Это всё хорошо, да только вряд ли решат. – ответил Дубобит.

– Наш глубинный народ слушает только своячков. – добавил Черногоре. – дохлый номер.

Наконец, после ещё нескольких минут переговоров, Чревосмерть немного повернулся к воеводе Сердочреслу, сыну Брата и Племенной. Серьёзный мужик средних лет. Видимо, в этих переговорах без Братской крови всё-таки не обойтись. Тот вышел вперёд и начал размашисто что-то говорить. Переговоры пошли лучше, даже старый тысяцкий начал чаще говорить. Но разговор всё равно казался слишком долгим. Переговорщики начали эмоционально корчить лицами и жестикулировать.

– Нет, всё, надо идти. – Дубобит начал слезать с повозки.

– Эй, ты куда? – обернулся на него Чернижка.

– Землячествовать. – ответил Дубобит и скинул на повозку мечельбу.

Он немного напряжённо прошёл мимо повозок и вышел на площадку, меняя походку на более спокойную. Подойдя к делегации, Дубобит распротёр руки, и обнял молодого тысяцкого. Они потрясли друг друга за плечи. Обратившись в сторону старого тысяцкого, Дубобит поклонился, а тысяцкий кивнул в ответ и положил руку на плечо воителя, приветствуя некогда своего подданного. Разговор, как казалось, стал ещё более лёгким, но всё же в Чревосмерти проглядывалось недовольство несоблюдением новых норм и правил переговоров. И всё же ситуация заставляла его принять безвыходный факт ради Войска. Видно было, что Дубобит говорил более неформально, то оборачивался и указывал рукой на нашу дружину, то махал куда-то далеко на восток и тыкал на стацию, то хватался за плечи молодого тысяцкого и воздавал руки к небу. Молодой тысяцкий то улыбался, то смеялся, то хмурился и корчил недовольное лицо, но, в конце концов, он задумался, начав гладить свой нос. Старый тысяцкий молчал и непрерывно смотрел на Дубобита со всей серьёзностью. Затем, когда Дубобит замолчал, бросая взгляд то на одного, то на другого тысяцкого, старый повернул голову на молодого и рукой выдал жест, которым подзывают человека, чтобы что-то сказать ему. Молодой сказал что-то

нашим переговорщикам, и тысяцкие, со своей свитой, отошли чуть назад, к городу, чтобы их не было слышно. Городские властители начали переговариваться, периодически выслушивая то воеводу, то казначея, то судью. Больше всего что-то объясняли казначей и воевода, то будто споря друг с другом, то соглашаясь. Над площадкой нависло напряжение. Старый тысяцкий поднял руку, заставив всех замолчать, погладил седую бороду, и, с минуту помолчав, что-то коротко сказал. Молодой тысяцкий покивал головой, казначей и воевода не выдали какой-то определённой реакции, а судья покачал головой и махнул рукой. Они вернулись к нашей делегации, молодой тысяцкий начал говорить. Чревосмерть положил руку на сердце, сдержанно кивнул тысяцким, подставил им и свите предплечье и обнял, как бы закрепляя договор. То же самое сделали и остальные.

– Заебись. – вырвалось у Черногоря.

Злыня одобрительно покивал, продолжая смотреть в сторону переговорщиков. Чревосмерть, воеводы, Дубобит, казначей и городской воевода направились в сторону повозок, чтобы давать нам дальнейшие распоряжения.

Сторож сел на стальконя и поскакал обратно, в сторону поста.

Пройдя чуть дальше первой повозки, Чревосмерть встал и громко начал отдавать приказы:

– Добрые тысяцкие Пашнедар и Бурохром, от лица жителей Крайграда, дали разрешение нашей дружине найти кров в окрестностях их города до полудня горьдня. Сегодня дружине необходимо будет обустроиться на временных местах, завтра и в грусдень вы сможете восполнить силы, однако, не забывайте об утренних разминках. В утро горьдня на главную площадь в центре города и к этим воротам прибудет ярмарка, запаситесь необходимым личным провиантом и прочими принадлежностями. К полудню повозки будут ждать всех чуть дальше ярмарки, где-то на той площадке. – Чревосмерть указал назад. – Следующее: места в пределах городских стен может не хватить, поэтому все с первой по одиннадцатую повозку поедут в ближайшую деревню чуть севернее, за стенами. Сейчас она наполовину заброшена, так что займёте места в пустых домах, а также разместите палатки около них. Повозки с двенадцатой по семнадцатую поедут расселяться в те поля, на мельнице, сенокосах и палатках, вас отведёт Дымняк, городской воевода Крайграда. Остальные повозки, с восемнадцатую по двадцать пятую проследуют за казначеем Мирногрехом, а также вашим совоителем Дубобитом в его родной квартал, который вы можете видеть справа, там также нужно будет расспросить о крове у жильцов, а Мирногрех с Дубобитом постараются временно заимствовать палатки в местных ткачевнях, поэтому будьте в них предельно аккуратны, за порчу имущества платить будете сами. Всё, выдвигайтесь.

Наша повозка числилась под номером пятнадцать, поэтому мы, возникши с инженером и одиннадцать воителей, не считая Дубобита, направились с другими повозками за воеводой налево. На ходу Черногоре и Чернижка передали Дубобиту его мечельбу и походную сумку.

– Ещё свидимся, Черногоре всё объяснит. – сказал Дубобит и подмигнул Черногорю. Тот хитро улыбнулся.

Поля действительно были запустевшими. Одни начали прорастать сорняками, другие выглядели завядшими, а третьи и вовсе начали сливаться с землей.

– Во-о-о-он тама, горсть полей, на коих урожаи возделывают. – показал тучный городской воевода вперёд. И действительно, было видно мелкие двигающиеся силуэты.

– А почему так далеко от города-то? – спросил кто-то из то ли тринадцатой, то ли двенадцатой повозки.

– А тысяцкие наши, Пашнедар с Бурохромом, нанимали землемера с Вольфрамску, так тот и сказал, мол, вон там земля-то, почва, говорит, плодородная, мол, концентрация чего-то

там на том участке выше, чем на остальной пашне. Мол, один участок этот, говорит, может, окромя своего, ещё треть земель заместить по, ну, продуктивности.

– А у меня тятя работает в полях под Тленовым, весточку писал: "поля нынче менее плодоносящие, работаем за троих, чтобы от нормы не отбиваться". – процитировал кто-то с задних повозок.

– Во-во, мои в Хромовске тоже так говорят. – поддержал кто-то спереди.

– Это всё Метал-Бог гневится, что мы на землю нашу неживых пустили. – предположил кто-то сзади.

– Или боги, за то что не используем благости бессмертных себе на пользу. – добавил жрец, что отговаривал нас от грибнухи.

– Та боги, не боги, усё одно. Коли еды не будет, так и о богах некому молвить будет. – подводил итог воевода. – Енто всё погода да мало рук, так вот я вам скажу. Война енто, конечно, хорошо, токмо есть шо-то надобно, ну, возделывать пищу в смысле... А вон, кстати, и сенокосы.

Воевода указал пальцем чуть правее мельницы. Из-за стен появились маленькие жёлтые холмики, вроде как раскиданные не по ровным рядам, а вроде как и сформированные в определенный ансамбль.

– Костёр разводить можете, ток это, не близко к кучкам... Ну метрах в двух-трёх думаю можно, лучше и чутка подальше. – предупреждал воевода. – А на сене-то спать мягко. Вот ночь пролежите, а на утро как новенькие проснётесь. Будто заново родитесь.

– А на мельнице сколько мест будет? – поинтересовался Черногоре.

– Ох ты, ну дай подумать... – воевода почесал голову, а затем положил руку на свой топор, отлитый единой сталью с оловянными узорами на рукояти, будто собравшись с мыслями, и, набрав в грудь побольше воздуха, начал излагать. – Значица, на первом этаже человек шесть-девять обустроиться могут, на втором, значица, примерно столько же. Третий узок, так что, ну, человека три-пять, ну может и шесть конечно влезет. Ну и чердак мельничный есть, там человека два-три потесниться могут. Ну и на пролетах в уголках по человеку можно, между первым и вторым этажом, да вторым и третьим уж точно, к чердаку не знаю.

– А там Чернижка уместится. – поязвил Злыня.

– Дошутишься, дед. – помахал кулаком Чернижка.

– Какой я тебе дед? Я тебя лет на десять всего старше, или сколько там тебе. – махнул рукой Злыня.

– Получается условно двадцать-тридцать человек где-то. – подсчитал я.

– Примерно так. – подтвердил воевода.

– А палаток хватит? – Спросил наш возничий.

– У нас двадцать палаток по два человека на каждую. – сказал хранитель похода с семнадцатой повозки, к которой была прицеплена небольшая тележка с провиантом и прочими походными принадлежностями. – Чем больше людей влезет в мельницу, тем лучше.

– А у нас сенокосов-то много, ну сколько там, ну с десятка два-три будет, сколько вас всего будет? – спросил воевода

– Восемьдесят четыре. – крикнул кто-то спереди.

– Восемьдесят три. – поправил я.

– Да, Дубобит же остался там. – дополнил Черногоре.

– Ну, думается мне, надобно сначала поехать посчитать скокмо кучек-то есть, а там уж и дальше решать.

Все согласились, и поход дал правее, прямо по заброшенным полям.

Семнадцатая повозка состояла в основном из воителей, разбирающихся в лагерных делах. Они обогнали остальных и, подъехав к месту, начали считать сенокосы. Находились они достаточно близко друг от друга, что позволяло лагерю быть достаточно плотным, и при

этом достаточно далеко для того, чтобы размещать между ними палатки. Самих кучек сена насчитали двадцать шесть, они были высокими, но не слишком широкими, поэтому лагерные решили, чтобы на каждой кучке расположилось по человеку, а походную сумку и прочие принадлежности можно было либо сложить рядом, либо у ближайшего лагеря. Костры разжечь решили по одному между тремя палатками, равноудалённым от ближайших сенокосов. Главную палатку с общаком разместить поближе к мельнице, но не прямо на краю сенокосного периметра. Таким образом, оставалось восемнадцать незаселённых, так что лагерные предложили использовать меньше сенокосов для расселения в мельнице. Однако, в нашей группе оказалось достаточно много братьев, которые пожелали спать под открытым небом, а также набрались желающих из племени и жречества, желающие понежиться на мягком сене. Поэтому решено было по максимуму расселить всех тут, а оставшихся отправить на мельницу.

Злыня собирался полежать на сене, да и я был не против, но Черногоре буквально сразу подозвал нас и, чутка понизив голос и наклонившись к нам, сказал:

– Давайте забьём мельницу.

Злыня криво поморщился.

– Какая мельница, что там делать, на хрен пойми чём спать?

– Мы не будем спать... Точнее, когда придёт время спать, будет уже всё равно, где и как.

– Черногоре хитро улыбнулся.

– А-а-а, так вот чего вы переглянулись с Дубобитом. – ухмыльнулся я.

– А то. Но это не по тому, о чём мы недавно говорили, а так... Чисто в кабаке местном известном посидеть.

– Тебе лишь бы... – Злыня мимикой объяснил опьянение.

– А тебе будто нет. – иронично высказался Черногоре.

– Слушай, я просто не отказываюсь от таких дел, понимаешь... – криво улыбнулся Злыня.

– От каких дел ты не отказываешься? – ворвался в наш круг Тёмногонь

– Ладно, уж кому-кому, а с рокерами в гуляньях, конечно, не сравниться. – ехидно бросил

Злыня.

– Это ты ещё нас недооцениваешь. И военный устав понарушать не прочь, особенно когда дело касается выпивки или девок. Или всего вместе. – будто гордясь этим высказался Тёмногонь, неестественно быстро транслируя речь

– Слушай, не здесь. Если хочешь с нами – тогда забивай место в мельнице, да поближе к нам. – одёрнул болтуна Черногоре.

– Без проблем. – сказал Тёмногонь и быстро пошёл к лагерным.

– Шустрый рокер. – сказал я Злыне и Черногору.

Мельница была местами с дырами. Где-то они были кое-как заколочены досками, а где-то совсем не тронуты. Посередине на всех этажах стояла балка, обтянутая цепями, идущими от механизма на первом этаже, который стоял посередине. На втором этаже стоял механизм для просеивания и изготовления муки. Третий этаж был почти пуст, а чердак пристроен отдельно, с отдельной лестницей на третьем этаже. Была ещё одна возвышенность с углублением, большую часть пространства которой занимала балка, соединённая с вентилями.

Мы с Черногорем и Злыней убедили лагерных и дружинников на мельнице расположиться на чердаке, дабы "никому не мешать и не занимать места. Тёмногонь занял одно из трёх мест на третьем этаже. Остальные заняли по шесть мест на втором и первом этаже, пролёты удалось оставить пустыми.

В основном мельницу заняли помощники, в частности возникшие, которым надоело вечно быть то на солнце, то под дождём, а также воители, которые либо хотели уйти в самоволку по каким-то своим делам, либо такие, которые не любили большого скопления людей, либо просто не желающие проводить ночёвки под открытым небом.

Многие, только накидав вещей, спальных мешков или ещё чего мягкого, и кое-как обустроившись, доставали из-за пазухи или сумок фляги и бутылки со скулькой. Ближе к вечеру можно было подойти к костру у главной палатки и взять кружку готовой бадяженной Братями скульки, от которой любой неподготовленный достаточно быстро окажется в хмельном сне. Тем более с походной бадяги. Именно этого мы и хотели дожидаться, когда все уже прилично напьются и не заметят нас.

Уходить в самоволку запрещено уставом, мол, вдруг воитель что-то натворит в местном городе и попортит репутацию Войска в глазах городских или деревенских. Конечно, если всё пройдёт гладко, но воителя заметят, его могут и простить воевода и предводитель. Но, с учётом того, как тяжело прошёл тот недавний бой, на котором я чуть не ушёл к воротам навсегда, большинство дружины напьются только так.

К нам на чердак зашёл Тёмногонь, и Черногоре начал рассказывать всякие истории с битвы, дабы скоротать время.

– И тут смотрю, а сзади ещё два мертвеца подходят со своими палками несуразными. Один замахивается, целится прямым ко мне в голову, без всяких финтов и обводок. Ну я ему Сладкомиру в живот втыкаю, второму ногой выбиваю колено, чтобы посидел, подумал, а у первого начинаю в месиво живот превращать, ну, дырку развороченную делаю, и тут же отмываюсь от другой нежити дальнобойной, а этот, что на Сладкомире, как щит, ну...

– Подожди, что за Сладкомира? – перебил ...

– Это мечельба моя. – немного изменился в лице Черногоре.

– А почему Сладкомира?

– Это женщина моя, покойная.

Все на время замолчали. Черногоре решил продолжить.

– Во время родов умерла. И она, и ребёнок. Ну, мы не по закону хотели создать семью, а так, без вот этих всех обручений, поэтому я не считаюсь вдовцом.

– А как вы познакомились? – поинтересовался Тёмногонь, шмыгая носом.

– Ну, работала она в кабаке местном в городке моём, в Гормире, ну я с ней однажды что-то заигрывать начал. Ну и в общем потом в уборную ушли, ну и там, ну... ясное дело. А я завсегдаем был в кабаке своём, поэтому мы чуть ли не каждый день так время проводили, тайком от кабачника, отца её. А потом что-то общаться часто начали, видется вне кабака, гулять там, ерундой заниматься. Ну и, собственно, однажды она мне подарила мечельбу, новую, с кузницы, в знак любви, так как знала, что ну очень хотел я оружие себе, а отец не разрешал. Он меня один воспитывал, мать уехала в Империю вашу, как я родился, не хотела обременять себя семьёй. А отец, собственно, воителем был, тогда ещё Братских войск. Я хотел на него быть похожим, а он запрещал мне это всё, оружием пользоваться не разрешал. Говорил, мол, что война – это ужасно, а воителем быть ещё хуже. Говорил также, что не хочет похоронить своего единственного сына, мол, так не должно быть, чтобы отцы сыновей хоронили. Вот она и подарила мне мечельбу, я ведь все уши ей прожужжал.

– А как ты тогда воюешь так хорошо, если не обучался нигде? – удивился Тёмногонь.

– А я в ристалище ходил тайком. У меня друг детства был, а у него там отец преподавал бой на древковых оружиях, мечёвках и мечельбах, ну и рукопашному бою. Отец всё время в походах был, просил соседей за мной присматривать, а им то всё равно, у них свои заботы. Поэтому скрывать было не сложно свои обучения. А через несколько месяцев после подарка от Сладкомиры отец погиб на границе, ну и можно было уже больше ничего не прятать и не скрывать.

– И ты пошёл на службу?

– Не, я дальше продолжил пить и развлекаться со Сладкомирой. – Черногоре посмеялся. – Дом и все монеты переходили по завещанию мне, плюс Братский Совет выплатил мне тогда монеты как за единственного умершего родителя, хоть мне тогда уже и было двадцать лет, и

как за погибшего в битве воителя – члена семьи. В общем, денег было много, можно было несколько лет ничего не делать, а потом открыть какой-нибудь кабак, я как раз дома много книг изучал по приготовлению разнообразной скульки. А тут Сладкомира внезапно беременеет. Бедрa у неё были широкие, но в организме почему-то случились некоторые осложнения. Я потратил много денег на лекарей, даже в саму столицу Братства, Вольфрамск, ездили лечится. В итоге лекари сказали про хмельной избыток, всё они на скульку скидывают, тренд у них новый. Ну, в общем, вывели его из организма, но роды всё равно не прошли удачно, от боли Сладкомира умерла, ребёнку не хватило воздуха, и он родился мёртвым. Сильно переживал тогда, не знал, что делать, а тут как раз мой друг детства сказал, мол, новую дружину собирают в Братское войско. А мне тогда уже терять было нечего, моя любовь умерла, наш сын тоже, да даже отец погиб. Решил, что всё равно жить не хочется больше, а от пребывания в Гормире тем более тошно, да и монеты кончались. Поэтому я согласился, наскоро продал отцовский дом соседу, который давно зарился на наш участок, взял самое необходимое, и пошёл к точке сбора. Тем более отец друга набирал новобранцев в городе. А мечельбу назвал в честь Сладкомиры, и в знак памяти о её подарке.

– Тяжёлая у тебя конечно жизнь, Черногоре. – перебил Тёмногонь.

– Да не, я даже в какой-то степени благодарен этому. Это всё закалило меня, дало много пищи для ума, так сказать. К тому же привело к тому, что я теперь убиваю нежить, и на, скульки пей вдоволь, а что ещё надо? – посмеялся Черногоре и предложил чокнуться фляжками.

Мы выпили, а затем Тёмногонь продолжил расспрашивать.

– Слушай, так ты ведь сказал, что состоял в Братском войске, так?

– Ну. Блять... – Черногоре пролил немного скульки и начал, как мог обтираться.

– Но ведь мы в Совместном войске. Типа вас сюда приписали или как?

– Всё намного сложнее, мой имперский брат.

– Я уже устал слушать историю Черногоря. Может все уже напильсь, и мы можем выдвигаться? – почёсывая брови, сетовал Злыня.

– Да погоди ты, про тебя тоже там история будет. – махнул на Злыню Черногоре.

– Какая радость, я весь в нетерпении. – иронизировал Злыня и устало выдохнул.

– Так вот, значит, взяли меня в это Братское войско, в Четвертую дружину, как раз нужно было восполнить там потери, да и друга моего туда же приписали. В общем, служили мы – не тужили. Первую битву провели под Чернополем, когда оно ещё не было разрушено. Было страшно, думал, мол, всё, тут и помру. Ну, первый бой, он всегда такой. А после победы расслабился, и с каждым боем стал всё больше удовольствия получать. Пили мы только так, у Братского войска не было таких жёстких уставов, как в Совместном, так что мы и в самоволку ходили, и у нежити их пойла собирали, с трупов. Отвратительные, но вставляют только так. Было всё весело, пока однажды не отдали распоряжение: зачистить границы Гнильного Чистилища от жреческих разбойников, которые нападали на ближайшие деревни и сёла Братства. Ну мы и пошли в поход, изрядно напившись. Наш воевода сказал, что ему соглядатаи донесли, мол, разбойники в храмовом сборе Смердице, ну и пошли мы в эту деревню. Мне это показалось странным, ведь разбойники и грабители жрецов прячутся в основном в болотных местах, да во всяких малочисленных лесах, но приказ есть приказ. В общем влетели мы в эту деревню, и на зачистку от разбойников это совсем не было похоже. Мой отряд начал вырезать мужчин, стариков и мальчиков, хватать девок, поджигать дома, предварительно вытащив оттуда всё добро. Мне это, разумеется, не понравилось, сначала я пытался останавливать воителей, а затем пришлось направить мечельбу на одних из воителей. Они опешили, и, пока никто не успел сориентироваться, что происходит, мой некогда друг отвёл мечельбу и толкнул меня со словами: "Что ты делаешь? Ты что, жрецолоуб? Убивай их или я тебя убью". В тот момент я тоже был не самых лучших мнений о жрецах...

– Как, впрочем, и сейчас. – подметил Злыня.

– Слушай, да ты и сам нас недолюбливаешь. – ответил Черногоре.

– Ой ладно, сейчас начнётся опять это всё, давай продолжай, а то я усну. – прервал очередную перепалку Злыня.

– Ну так вот... Убивать жрецов-грабителей – это одно. Но выжигать и вырезать целую деревню – это уже просто какая-то ненависть. Ну я другу то и врезал, а чего. Ну он своей мечельбой замахнулся, а я его быстрее проткнул. И тут я понимаю, что всё, конец. Воители бросают девок и провизию, начинают доставать мечельбы, и как раз тут я и научился этой штуке с живым щитом. Начал размахивать остриём Сладкомиры, отпугивать финтами надвигающихся собратьев. Закрываюсь бывшим товарищем от удар, наотмашь летящих в меня, сам отмахиваюсь, а там повозка сзади была, ну я до неё добрался, за ней укрылся, чтобы не окружили, кинул бывшего друга в надвигающуюся группку, и начал из-за повозки прокалывать наступающих. В общем, почти всех перебил, пытался обилием хлещущей крови деморализовать, и кто отступал, в тех точечно кидал поднутые с трупов мечельбы. В итоге часть осталась в той деревне лежать, часть бежала, в том числе и воевода.

– А, я слышал про эту резню в Смердице. Даже у нас, в Империи Хард-Рока писали, мол: "предположительно воитель из Конфедерации Метала загубил других воителей, вырезавших мирных жителей, и скрылся в неизвестном направлении", как-то так звучало. – вспомнил Тёмногонь.

– Да, заварушка та ещё была. – заметил я. – Трубили повсюду.

– А как ты до сих пор на свободе? Или шо там с вами делают, вешают там... – спросил Тёмногонь.

– Так я вот и рассказываю. Стою я, значит, в ступоре. Думаю, мол, всё, конец, повесят. Пока нагнетаю, ко мне подходит одна из жречанок, говорит, мол, я её спас и всё такое, на шею виснет, говорит, мол, дом её сжечь не успели, пойдём я тебя отблагодарю. А я в трауре ещё, все дела, поэтому отвечаю ей: этого не надо, а если хмельное что есть, тогда не откажусь. Ну она мне и дала вот этой вашей настойки травяной. – Черногоре кивнул на Злыню. – А я так напился, что галлюцинации быстро и люто ловить начал. Она мне говорит, мол, чтобы я тут оставался, а я и отвечаю, что не могу, что мне нужно бежать отсюда, скоро сюда Вечевая дружина нагрянет и меня повяжут. Она говорит, что меня деревня спрячет, я же тут многих спас и всё такое. Ну я и отвечаю, что не могу, а под настойкой ещё в такой загон вкинуло, мысли только и были о том, что надо бежать. Так я и встал из-за стола и просто начал собираться. Девка-то понимает, что я всерьёз надумал уходить, и говорит, как сейчас помню: "Скачи на Юго-Запад, там найдёшь в болотной роще высокий холм. За холмом будут разбросаны большие камни. Скачи не по ним, но рядом с ними, там, где Конфедерация начинает свою историю. Чуть дальше..."

– Погоди, – перебил Злыня. – что значит "там, где Конфедерация начинает свою историю?"

– Ну, видимо, справа от этой каменной насыпи, так? – предположил я.

– Как я по ходу дела понял – да. – кивнул Черногоре.

– Так почему сразу не сказать: справа от камней. Или севернее камней. Ненавижу эту фишку своего народа. "Там, где Конфедерация начинает..." бла-бла-бла. Нахрена всё усложнять? Нельзя сразу сказать: бери правее. Нет, вот нужно обязательно блин... Ладно, – махнул рукой Злыня. – продолжай.

Все посмотрели на Злыню. Я пожал плечами. Тёмногонь поджал губы, поднял брови и перевёл взгляд на Черногоре. Тот откашлялся, залил немного скульки в горло, и продолжил.

– Так, на чём это я... А, "Чуть дальше увидишь хлипенькую тропинку меж редкой травой. Иди по ней. Дойдя до развилки, дорога расширится, а потом оборвётся, но ты услышишь журчание кровавого ручья. Иди к ней на слух, там будет землянка, покрытая мхом. Неприметная, но ты увидишь глубокую дверь. Тебе нужно туда. Постучи три раза, подожди пять взма-

хов крыла ворона, и тебе откроет дверь жрец-мудрец. Он тебе поможет, только расскажи ему сегодняшнюю историю с деревней". Такой вот путь...

– "Пять взмахов крыла ворона". – издевательски спародировал Злыня. – это секунда?

– Ну как мне потом сказал старик, из-за того что я чуть дольше ждал – да.

Злыня иронично покивал, что-то лепеча губами. Черногорю продолжил.

– Уж и не помню, как я в этом галлюциногенном тумане отыскал эту землянку, но... В итоге, он меня укрыл в своей землянке на несколько месяцев. Жрец был строгий, но много чему меня научил. Много говорил про суть жизни и всё такое, о собственном ощущении в любой ситуации, о ценностях и всё такое. Ну, и на грядках заставлял пахать. Затем, спустя время, жрец спросил меня: "готов ли ты жить дальше?". Я ответил утвердительно, хотя, на самом деле, не был в этом уверен. В общем, я пошёл куда глаза глядят, дошел до города Волховные Топи, там меня и поймали через пару дней Вечевые соглядатаи. В общем, отвезли в Вольфрамск, так как тяжкое преступление, везде о нём говорили и всё такое, ну и посадили в темницу. На суде меня приговорили к смерти через повешение на главной площади через две недели.

Черногоре остановился, выпил, прополоскал горло скулькой, и продолжил.

– И тут мне действительно повезло. Вечевой Совет резко ужесточает законы по народной нетерпимости и ненависти, а тех, кто препятствовал нетерпимости, но сел в темницу, амнистировали. Я тоже попал под амнистию, соответственно, ну и вышел. Первым делом я пошёл в кабаки и засел там на несколько недель, не знал, что делать, возвращаться в Братское войско не хотел. А тут как раз мимо Братской столицы проезжал Чревосмерть из Перлитны, буквально недавно повышенный до предводителя. Ему тогда дали поручение собрать новую дружину для набирающего тогда популярность Совместного Войска. Конечно, он сразу стал ходить по кабакам, там мы и встретились. А так как Чревосмерть сам является ярким борцом с ненавистью меж народами, и даже, если ты не знал, Тёмногонь, состоит в Собрании Нетерпимых Нетерпимости, войти в Совместное Войско не составило труда. Конечно, теперь стало нельзя собирать добычу и различные штуки с побежденных, хоть мы это всё равно делаем, но зато жалование увеличилось, и после службы бесплатно выделяют землю в городе или деревне на выбор. Как-то так.

Тёмногонь покачал головой и поджал губы, обозначая интерес к истории.

– А, совсем забыл. – Черногоре резко подпрыгнул на месте.

– Да блять. – положил руку на лоб Злыня.

– Едем мы с уже, значит, набранным в Племени Тяжёлой Стали отрядом, в Жречество Чёрного Обсидиана. В столицу первым делом, само собой. Заходим в местную таверну, смотрим, а там люди столпились вокруг столика, где играют в костиаторы. А там и Злыня, обыгрывает каждого, кто с ним сядет, всё монеты к себе загребают. Сначала Чревосмерть хотел его взять одним из хранителей казны, но тут началась заварушка, ну и Злыня показал своё владение посохом, кинжалом, и послушным Смугром. А потом, после побоев, мы с ним побыстрому состряпали лекарств. Так и Злыня присоединился к дружине.

– Ну, сначала я не особо хотел вступать, деньги хоть и не плохие, да ещё стабильные, но всё же есть способы, как подзаработать больше и быстрее. Но, пораскинув мозгами, я в итоге решил, что можно сначала подкормить какой-то бюджет, а потом уже заняться более прибыльными делами.

– Слушай, ну, в принципе, можно же продвинуться по службе там, получать больше. – заметил Тёмногонь.

– Да мы постоянно рискуем своими жизнями, можно просто не дожить до повышений. Жалованье хорошее, но за такое, я бы предположил, нужно платить больше. Ну или хотя бы разрешить грабить противников...

– Да что ты там найдёшь у нежити? Груды костей? – удивился Тёмногонь. – Я никогда ничего путного у них не находил.

– Ну не скажи. У вурдалаков неплохая такая провизия периодически лутается. Да и у нежити тоже бывают интересные штуки, конечно никакой пищи и повседневных вещей, но зато иногда можно какие-то артефакты интересные найти. Или какие-то плотные свитки, которые можно архивариусу или ювелиру продать. – помахал пальцем Черногоре.

– А если тебе повезёт наткнуться на некроманта... – продолжил Злыня.

– У-у-у-у... – заулюлюкал Черногоре.

– У-у-у-у-у... – докончил Злыня.

– Лутатели блин. Пока с трупов ходите собираете приколы, набегают ещё подмога, в итоге не успеешь оправиться, как снова бой. – махнул рукой я.

– Так наоборот же, больше лута. – посмеялся Черногоре, разведя руками. – К тому же, чего ты брешишь? Сам в кармашки с нами залезал к мертвякам, святоша...

– Так это, подожди... Про Черногоре я теперь знаю, наверно, всё, про Злыню знаю, как он оказался в дружине, а про тебя я ведь мало чего знаю. Как ты попал в дружину?

Тёмногонь посмотрел прямо мне в глаза, ожидая ответа. А я даже не знал, с чего начать. С моего детства в столичных окраинах. С момента, когда я бросил обучение писаря и подался сначала на улицу, а потом в странствия. Я посмотрел на свою стальную руку и роботическую часть тела, собрался с мыслями, и решил рассказать самое, как мне показалось, важное для Тёмногоня.

– В общем, как-то странствовал я по Южной Окраине в своих землях. Мне тогда нужны были монеты, поэтому я взял единоразовую работку у местного корчмаря в небольшом городке под названием «Югокузницк». Он попросил меня перевезти в Сборный Дом деревни Мануфактурново несколько ящиков скульки, колбас и пирожного хлеба, а взамен взять у них заготовленного пшена, мяса, соли и ячмень. Давал за это пятьдесят монет туда и пятьдесят обратно. Деньги хорошие, можно было прожить на них недели две, а то и месяц. Корчмарь дал мне повозку, загрузил туда всё с помощниками, закрепил на поддон повозки жучок, чтобы следить за местонахождением груза, дал мне двадцать пять монет, на остальные семьдесят пять договорились после обратного прибытия. Ехать примерно дня полтора. Спокойно поехал, переночевал в дорожной таверне, поехал дальше. Еду, значит, и тут с холма булыжники начинают катиться прямо на дорогу. Останавливаю повозку, и буквально сразу, с того же холма, ко мне выбегает группа Племенных Панков с вашей Империи. Сначала опешил, потом взял себя в руки, выжимаю шпоры, глаза стальконеёй загораются, повозка трогается с места, но один из разбойников успеваешь зацепиться за повозку, кидает в меня один топор, уворачиваюсь. Кидает второй – попадает прямо в спину. Падаю с повозки, ломаю левую руку. Тот панк прямо перед наездом повозки на кочки умудряется сесть за поводья и развернуть махину обратно на дорогу. А другие грабители бегут ко мне. Ну я встаю из последних сил, а один из них стреляет в меня такой... ну... полукруглой штукой короче, чем-то схожим с секачетом, только не в виде полукруга, а, ну...

– Пистоль. У нас это называют пистолем. – исправил Тёмногонь.

– Вот, да. В общем, стреляет он в меня, попадает в ногу, а там какой-то разрывной патрон был видимо, поэтому часть ноги остаётся висеть на куске мяса...

– Похоже на самодельный пороховой ствол-пистоль. – как бы сам с собой размышляет Тёмногонь.

– Ну вот. Падаю, уже начинаю терять сознание, выставляю руку. Это единственное, что я мог сделать. Мне эту руку отрубают, начинают пинать, и в общем-то я отключаюсь. Вижу врата, голос Метал-Бога, все дела. Сначала распинает мне тираду о моём конце жизни, а затем резко замолкает, и меняет своё повествование, открывая мне дверь ожидания. Ну а дальше, после концерта, девок и галлюциногенного пойла, оказываюсь в чёрной палате с бело-чёрным

потолком. Зрение улучшилось, сердце бьётся как мотор, смотрю на левую руку, а вместо неё стальная кибернетика, как и вместо ноги, и справа вместо рёбер хромовые запаянные трубки.

– А как ты там оказался? Кто тебя привёз?

– А как раз тот корчмарь, увидев через глазной гипс, что повозка сначала резко остановилась, а затем резко втопила, сразу связался со своим коллегой в дорожной таверне, тот послал своего сына на стальконе проверять ситуацию. По приезду повозки, как и дикарей, он уже не обнаружил, но нашел меня. А так как всем известна опасность южных дорог, корчмарь заранее меня расспросил, откуда я, есть ли страховка и прочее. А, так как у меня действительно была страховка, ещё с момента обучения на писаря и до того времени не просроченная, сын держателя таверны быстро отвёз меня к ближайшей станции, от которой ездили скоростные экипажи. Там меня посадили в лекарский экипаж и отвезли в Великий Металград, где я и очнулся.

– И что, страховка всё покрыла? – удивился Тёмногонь.

– Не совсем. Она покрывала базовое восстановление, а остальные примочки оказались войсковыми. Поэтому, как я пришёл в себя, лекарь с починщиком вызвали ко мне помощника инженера Кривотопи, который подчиняется Грехобивню Столичному.

– Это который главный предводитель Племенных Войск?

– Именно он. Короче, помощник мне сказал, что мне вставили эти все штуки потому, что передо мной на койке истёк кровью воитель Первой дружины Совместного Войска, для которого предназначалось это всё, а тут как раз меня привезли, на момент, так сказать, готовой кибернетики. А действовать нужно было быстро, я уже был одной ногой за воротами. Но стоит это всё дело дороже, чем обычные импланты, поэтому помощник предложил мне выбор: либо мне могут выписать кредит на двадцать лет под проценты, либо меня, как я восстановлюсь, отправят в острог, где начнут обучать ведению боя для кибернетиков, а затем отправят служить. Помощник явно был недоволен этим всем. Видимо, вся эта операция была чистым решением лекарни. Экстренная ситуация, все дела. На самом деле, я долго решал, что выбрать. С такими имплантами можно было неплохо так зарабатывать где угодно. В конце концов, как ты можешь видеть, я решил пойти по второму варианту. Отучился три года, а затем меня определили в нашу дружину, так как в ней не доставало войск. Вот и вся история.

– Но почему ты в итоге выбрал службу? – внезапно спросил Черногоре.

– Честно... не знаю. До сих пор думаю о своём решении...

На чердак внезапно ввалился один из воителей. Икая и не совсем разборчиво изъясняясь, он вопрошал:

– Братя, у вас есть скулька ну, *ик*, лишняя там какая.

– Не, брат, всё сами выпили. – махнул рукой Черногоре, побренчав флягой, которая, действительно, опустела.

Воитель грустно опустил голову, будто перед ним сейчас весь мир разрушился. Он икнул, смотря в пол, опираясь на косяк двери, и, с горечью на устах, тихо проговорил:

– Эх, жалко. Ну, возьму того пойла на улице. Опять там этот варит скульку, козёл этот...

Затем махнул нам рукой, и медленно поплёлся обратно.

– Думаю, мы можем выходить. – оборачиваясь к нам, сказал Злыня.

– Пожалуй. – подтвердил Черногоре.

Я допивал остатки своей скульки. Тело снова начинало ныть, а электрическо-нейронные соединения простреливать током. Я нащупал в кармане вторую таблетку обезболивающего и закинулся ей с последним глотком напитка. Вечер обещал быть интересным. Мы открыли дверь, и с выходом в общее пространство мельницы услышали людской гул. На третьем этаже четверо воителей, один из которых как раз заходил к нам, играли в костиаторы. Мы махнули им рукой. Они предложили присоединиться. Злыня сверкнул глазами и погладил своего ворона на плече (так он призывает к себе удачу). Однако Тёмногонь, уже разузнав о падкости Злыни

на лёгкие деньги, взял его за плечи и, оттянув, сказал, что нам нужно по делам, не можем задерживаться. Мы с Черногорем кивнули в ответ и пошли дальше. На втором этаже кто-то спал, двое устроили армреслинг, ещё человек пять окружили их и делали ставки. Один сидел в углу напротив лестницы и рассматривал лакированный цезиевый журнал с голыми девками. Повсюду были разбросаны бутылки и упаковки от провианта. И как они уместились все на такой малой площади? На первом же установили походный столик, на который с улицы воитель нёс новую поставку кружек со скульпкой на большом трёхэтажном подносе, видимо, из лагеря. Два воителя, которые стреляли по повешенной на стену мишени, один из мечёвки, другой из секачета, бросили свои тренировки и с радостными возгласами направились к столику. То же сделали и три жреца, споривших о каких-то научно-религиозных вещах. Двое воителей, сидевших у стены и болтавших о своём, попросили подать им по кружке.

На улице было темно, но ярче факелов у стены города горели костры в лагере. Лагерь наш, помимо прочего, также был причиной шума во всей округе: из него доносились гитарные рифы и барабанные биты, копирующие одну из небесных опер Метал-Бога во время боя, крики, песнопения, лязги мечельб и выстрелы. Если кто-то и смотрел в нашу сторону, то вряд ли придавал сейчас этому значение.

Пешком до ворот шагать дольше, чем ехать на повозке. Благо мы взяли по кружке принесённой скульпки. В глазах уже немного плыло, но наша попойка только начиналась. Моё обезболивающее добавляло пьяности напитку, поэтому я старался растягивать время между глотками. Тёмногонь начал напевать песню, которую разучил в походах. Черногоре подхватил её, затем я, и даже Злыня, будто бы нехотя, поддержал мелодию. Так мы шагали сквозь поля. Скульпка начала давать свои плоды, так что по пути до главных ворот мы успели несколько раз поссать где ни попадя, поломать некоторые остатки пшеничных зарослей, вырвать из земли старое чучело и потанцевать с ним, а затем взять его в дорогу как нового приятеля-компаньона, повалиться на старых полях, попытаться скрутить и покурить жмых. В общем, под чёрным открытым небом мы время не теряли. Выйдя на пустырь перед южной стеной, мы увидели два силуэта, которые, активно чем-то махали. Начали подходить, два силуэта остановились. Один из них прокричал:

– Кто идёт?

Это был Дубобит.

– Свои. – прокричал Черногоре.

Мы со Злыней, держащие пугало с двух сторон, начали махать его руками в знак приветствия, и неразборчиво орать.

Приблизившись к Дубобиту и его другу мы обнаружили, что они махали лопатами, раскапывая какую-то неглубокую ямку.

– И чего вы делаете? – спросил Злыня, играясь с глазом-пуговицей пугала.

– Ищем мою заначку. – не отвлекаясь пояснил друг Дубобита.

– Отличная заначка, под стеной. – посмеялся Черногоре.

– Ага, и впритык к полю. – добавил я, аккуратно отпуская чучело, будто это был мой перепивший приятель.

– в Разнорабочем ты фиг чо спрячешь. У нас такие ребята там водятся... Всё найдут. – друг Дубобита воткнул складную лопату в землю и опёрся на неё, дабы передохнуть.

– Серогрусть. – представился я, протянув ему руку. Уже опьяневший, мне было не до культурных деталей.

– Хорав. – ответил друг Дубобита, пожимая мне руку в ответ. Видимо, понял состояние нового знакомого и всей компании.

– Черногоре. – поприветствовал Хорав мой друг уже по их традициям.

– Хорав.

– Злыня. – поднял ладонь жрец и как бы нарисовал ей радугу, не соблюдая ни традицию приветствия братства, ни жреческую.

– Хорав. – просто поднял ладонь друг Дубобита.

– Тёмногонь. – рокер соблюл братские традиции.

– Хорав. – ответил новый знакомый тем же.

– Так сколько там в твоей... значке? – спросил Злыня, икая.

– Не сколько, а что. Ожерелье одного племенного златокузнеца, которое я купил по дешёвке у какого-то щегла из Поп-империи. Не знаю, как ему оно досталось. Вообще прилавок был забит вином и всякими пряностями, и, видимо, цены такой драгоценности он не знал. Наверно, подумал, что какая-то самоделка "варваров", и отдал мне его за скромные шестьдесят монет. – Хорав вытащил лопату из земли и продолжил работу. – Поэтому перед кабаком мне надо будет зайти к ювелиру и продать ему этот брелок. Хотите, можете со мной сходить, либо я чуть позже присоединюсь.

– А далеко до туда идти? – высматривал я глубину ямы.

– Не, парочку домов пройти и направо, в переулок.

– Как-то опрометчиво строить ювелирку в переулке. – заметил Черногоре.

– Есть такое. – подтвердил Хорав.

– Но там, как я понимаю, до сих пор работает Светич, да? – спросил у Хоравы Дубобит.

– Ну так, а куда ж он уйдёт-то. Только если ко воротам.

– Ну так вот, а он раньше в Епархии работал, где обучился вороновой разведке. Ворона после выхода на пенсию ему, само собой, оставили, он его и приспособил жить за скульптуркой под крышей. А оттуда ворон следит за обстановкой в переулке, и, чуть что, сразу докладывает своему хозяину.

– Ничего себе, тут живут ветераны Святых отрядов? – удивился Черногоре.

– А у тебя не жили в братстве? – спросил Хорав.

– Нет. Только два жреца открыли корчму, в которой из под полы продавали травяные настойки, пока тысячки не приставили к корчме воителей, потому что на неё часто совершались нападения от местных. Ну и племенные работали в казнах и Братских школах. Остальные были чистокровными Вольфрамщиками.

– А что за епархия, святые чото там..? – спросил Тёмногонь.

– Святые отряды из Епархии Метала. – поправил я. – Ну, Епархия – это что-то типа вашей Инквизиции в прошлом, только без судов над жителями и вот этого всего. В основном просто решают проблемы между восприятием бога, ну, или богов, и держат религиозные места. Святые отряды – это по большей части просто военные отряды, которые набирают из храмов и капищ. Они на них, соответственно, и работают. Ну и на Епархию Метала. Ну короче работники неба, так сказать.

– И чего, туда всех берут? – Тёмногонь взял факел, который ему передал Дубобит.

– Ну, если ты был монахом, священником или ритуальным жрецом – то возьмут. Надо короче нести службу в чём-то религиозном. – ответил Черногоре, резко сплюнув выпитую скульку.

– И ещё неукоснительно следовать заповедям твоей металверы. – добавил Злыня.

– Ну это само собой подразумевается. – ответил Черногоре.

– Да ни хрена, если ты служишь богам или богу, но при этом не соблюдаешь, там, посты, жертвоприношения, молебны и молитвы, или думденскую службу, у кого как, – Злыня повернулся к Тёмногону, как бы объясняя, и повернулся обратно к Черногору. – то путь в Святые отряды тебе закрыт. Как и карьерная лестница в Епархии.

– О, то? – Спросил Дубобит сразу после издавшего характерного удара лопатой обо что-то твёрдое.

Хорав бросил лопату, присел, пошерудил в яме руками.

– То самое. – он вытащил из ямы небольшую шкатулку и сразу открыл её. В шкатулке, кроме ожерелья, было ещё некоторое количество монет и бумага. Хорав взял ожерелье, закрыл шкатулку, огляделся, взял факел у Тёмногоня и, положив своё обратно в яму, начал засыпать землю.

– Надеюсь, вы не станете меня обворовывать, конфедераты?

– Не волнуйся, я их знаю, они ценят чужое добро. – ответил ему Дубобит.

Все кивнули головами, кроме Злыни, не спускавшего глаз с ямы. Однако, он быстро отвлек себя и тоже, с некоторой неохотой, потряс головой. Хорав пристально поглядел на Злыню, но затем продолжил закапывать шкатулку.

– Ну смотрите, наша Конфедерация тесная.

Наша компания, состоящая уже из шести человек, подходила к главным воротам.

– Говорить будем мы с Хоравом, а вы постарайтесь выглядеть... не такими бухими. – Дубобит поглядел на нас, нахмурил брови, увидев между мной и Злыней пугало. Цокнув и помотав головой, забрал его и бросил в сторону полей. – По крайней мере попытайтесь не качаться, а ещё лучше – молчите.

Дубобит вместе с Хоравом вышли вперёд, мы вчетвером плелись за ними. Тёмногонь что-то шептал Злыне, а тот, стараясь удержать смех, цыкал и прикладывал палец к своим губам, но всё же подхихикивал. Мы приблизились к страже у ворот. Со стороны Разнорабочего района слабо доносились гуляния.

– Воителей, кроме наших, приказано не пускать. – сказал один из стражников, что был ближе к нам, и выставил руку, как бы останавливая наших подходящих ребят.

– Так это мои друзья. – остановившись, начал Хорав. – Я помощник каменщика и кожевника с Разнорабочего.

– Приказано никого не пускать. – стоял на своём стражник.

– Слушай, да у них наш земляк, вот, служит... – Хорав начал показывать на Дубобита, но стражник перебил его.

– Нельзя пускать, я же сказал.

– Гони их в шею, да и всё. – резко вмешался стражник с другой стороны ворот.

– Что ты ска... – Черногоре уже выпятил грудь в сторону силуэта в тени, но я вовремя успел прикрыть ему рот.

– Ты мне тут ещё поговори, наёмник. – отвечал невидимый стражник.

Дубобит молча и задумчиво смотрел в сторону второго стражника, а затем обратился к Хораву.

– Я же знаю этот голос...

Хорав пожал плечами.

Черногоре оттянул мою руку и проговорил:

– Да какой я тебе наёмник? Я – воитель нашей Конфедерации.

– Был бы ты воителем Конфедерации, состоял бы в войске своего народа.

– Ах народа... – Черногоре уже направился в сторону стражника, но Дубобит остановил его, схватив за плечо, и вопросительно выкрикнул:

– Ты учился в школе, страж?

– Ты хочешь меня оскорбить или что? Самый умный что ли? – со стороны второго стражника блеснула обнажённая мечёвка.

– Нет-нет, я просто хочу узнать, я не собирался Кого-либо оскорблять.

– Ну учился, и что? Прямо в местной школе учился.

Стражник подошёл ближе к нам. Дубобит взгляделся в лицо стражника при свете факела.

– У Зорковида?

– Ну. Шестьдесят седьмого года выпуска. – Стражник тоже начал вглядываться в нашего друга.

– Гневен?

– Дубобит?

– Гневен!

– Дубобит!

Старые приятели поздоровались как-то по особому, с помощью пальцев и кулаков.

– Всё ещё помнишь приветствие. – посмеялся Дубобит.

– Ещё бы, это же я его придумал, когда нас заперли в чулане за то, что мы тогда все мечи разукрасили в анти-вечевые цвета, помнишь?

– Ну так, мы тогда ещё придумали текст для песни...

– Бог метала – пошёл на хуй?

– Да, да, там ещё риф должен был быть такой... – Дубобит показал на воздушной гитаре проигрыш, пропевая ноты.

– Точно, и гроулом, вот так:

«Бог Метала – пошёл нахуй,

Забери и вурдалаков.

Хули надо? Пошёл на хуй.

Хули надо? Пошёл на хуй.»

Небрежно прорычал Гневен, пока Дубобит играл на воображаемой гитаре.

– Как-то так. – закончил Гневен.

– Да уж. – согласился Дубобит. Мы подуспокоились. Должны пройти.

– Так как ты оказался в Совместном Войске?

– Да, мне некуда было податься. А чем дичью страдать, лучше нежить побить.

– И то верно.

– А ты как в страже оказался?

– Да отец, по окончанию учёбы, сказал мне, мол: пойдешь служить, из тебя там всю эту дурь выбьют, а иначе – без крова оставлю. – страж развёл плечами. – Ну мне, в принципе, больше ничего и не оставалось, как пойти в Войска. А чтобы далеко в походы не ходить, да и целым остаться, выбил место в гарнизоне. Тут максимум что может быть опасным, так это разбуянившийся скулькоголик.

– А как в гарнизоне вообще служится? – спросил Тёмногонь.

– Да, неплохо вообще. Кормят три раза в день, да ещё разные интересные перекусы иногда перепадают. Стоишь себе и следишь, либо патрулируешь улицы. В конце смены в корчму идёшь и никаких проблем. Ещё и спальное место дают в одной из башен, но я служу в родном городе, так что сплю дома.

Дубобит стоял и слушал, будто в ожидании вставить ещё ряд вопросов, но Злыня тыкнул его локтем в спину и пьяным нетерпеливым выражением лица напомнил о цели визита к этим воротам. Дубобит посмотрел на Злыню, и изменился в лице.

– Да, слушай, Гневен, тут такое дело... Мы вот с битвы очередной приехали, ну и в общем-то...

– Хотели бы сходить в кабак. – закончил страж за Дубобита, тоже изменившись в лице.

– Я всё это понял. Но и вы поймите, у нас есть приказ. А вдруг вы дел натворите, а потом нам за это натворят?

– Слушайте, братья, так может получится как-то решить это дело? – как бы нехотя проговорил Хорав, достал монету из кармана и начал её подкидывать.

– Ты что, взятку предлагаешь? – зло просмотрел Гневен.

– Я? – искривил лицо Хорав, поймав монету и сложив её быстро в карман.

– Ты, ты. – разделил недовольство стражник слева.

– У тебя не найдётся столько денег, за которые мы бы ослушались приказа. – сказал Гневен.

– Рискнули всем, что имеем. – дополнил второй стражник.

– Ты знаешь, как обходится с взяточниками Братское войско? – Гневен начал показывать что-то на теле, но его отвлек коллега.

– Слушай, а знаешь, у меня есть мысль.

Стражник отвёл Гневена в сторону, и они начали что-то оживлённо обсуждать. Хорав и Дубобит переглянулись, Злыня икнул, Черногоре решил стоя покемарить, а мы с Тёмногонем, оперевшись друг на друга, с тупыми выражениями лиц следили за происходящим.

– В общем, мы можем вам, так сказать, помочь... – начал второй стражник.

– Если вы поможете нам. – закончил Гневен. Они хитро смотрели на нас.

– И в чём же прикол, брат? – спросил Дубобит, смотря на Гневена.

– Прикола нет, но и дело не такое простое. – Гневен посмотрел на второго стражника.

– В общем, суть такая... Мы с Гневеном давно заприметили двух работниц кабака...

– Одна рыжая такая, с большими сиськами... – перебил Гневен.

– А вторая с задницей, как орех, и стройными ногами. Блондинка. – продолжил стражник. – Короче, они ни в какую не хотят с нами уединиться...

– Да, а хочется, девочки-то просто мрамор. – Гневен протёр лоб.

– И если вы нас раскрутите для них...

– А ещё лучше, если добьётесь для нас встречи с ними...

– То мы вас пустим.

Стражники пристально на нас посмотрели, выжидая ответа.

– Так, погодите. – Черногоре резко вышел из дрёмы, мотнув головой вверх. – Если вы нас пустите, а мы не сможем их убедить с вами что-то поделывать, или не станут слушать хвальбы о вас, то, ну... Вы же нас уже пустили, типа...

Злыня толкнул Черногоре и злобно посмотрел на него.

– Чего ты меня тыкаешь? – в недоумении вопрошал Черногоре.

– Кстати да, об этом мы не подумали. – второй стражник посмотрел на Гневена. Теперь их лица приобрели задумчивый вид. – Ну, вы короче к ним подойдите, поговорите, постарайтесь сделать всё как надо. А мы потом спрашиваем у завсегдатаев в кабаке, общались ли вы с ними или нет.

– И насколько старались. – добавил Гневен.

Наши пьяные головы сочли это хорошей идеей. Однако, логику действий стражников лично я не совсем понял. Но, как бы то ни было, это и не важно, так как через минуту после рукопожатий гарнизону мы уже были с другой стороны закрывшихся ворот. На прощание, перед глухим хлопком металлических дверей, стражники оглянулись по сторонам, а второй из них приложил палец к губам, напоминая нам о необходимости быть тихими.

Город был буквально весь покрыт чёрными цветами, от чёрных каменных дорог до чёрных черепиц на крышах домов. Разве что разный оттенок материалов позволял не слиться зданиям, пристройкам и благоустройству в одну чёрную кашу. Абсолютной чернотой выделялся Чертог, построенный на насыпи в центре западной части города. Раньше тут жили вожди этого домена, но, после объединения земель и введения тысяцкого правления в Братстве, Чертоги стали использоваться в качестве памяти древнему зодчеству и исторически важным моментам города. Также, в случае осады, Чертоги используются в качестве хранения припасов, так как хорошо оборудованы благодаря своим глубоким погребам и туннельным захоронениям. Дорога от восточных ворот вела строго в сторону Чертога, мимо центральной площади. Вдоль дороги, буквально от начала стены, шли тёмно-серые дома и здания с заострёнными крышами, между которыми периодически проскальзывали подворотни и узкие дорожки с тропами. Мы

шли по тротуару с правой стороны, стараясь не привлекать к себе много внимания. Фонари создавали небольшое освещение вокруг себя, но между ними всё сливалось в чёрную субстанцию, где кое-как можно было разглядеть силуэты чего-либо. Однако, от непроглядной тьмы спасали также свет из окон нависавших домов, в основном трёх-четырёхэтажных, и факелы проходящих мимо людей и проезжающих повозок, а также полыхающие глаза и рты стальных.

– Так, ну что, воители, вы со мной к ювелиру, или дойдете до кабака? – спросил Хорав, пытаюсь зажечь спичку для факела, который висел на левом бедре.

– До кабака. – сказал Злыня, собираясь ускорить шаг, но Дубобит остановил его, схватив за плечо.

– Да ладно, давайте лучше всё вместе сделаем. Не будем разделяться.

– Идея Дубобита неплоха. – поддержал я. Злыня был недоволен, а лица Черногора и Тёмногоря были настолько тупы в данный момент, что можно было и не спрашивать их мнения.

От достаточно освещенной центральной улицы мы, в какой-то момент, свернули в переулок. Прошли мимо пустыря с колодцем из чёрного кирпича, и вышли на более узкую улицу. Зачастую, чем дальше здания от площади и главной улицы или проспекта, тем хуже их качество и ухоженность. У Братства Мёртвого Вольфрама вы редко заметите этот контраст. Даже бывшие Чертоги и современные Вечевые и Тысяцкие Палаты выглядят достаточно аскетично и не вычурно, по сравнению с Капищами у Чёрного Обсида и Посадскими Дворцами у нас. Хотя, конечно, эти здания всё же были меньше ухожены, чем те, что расположились на главной улице.

– Хорав, сколько нам ещё идти? – Злыня с небольшой усталостью пинал найденный по дороге камешек.

– Мне нужно топливо для сознания, нужна подзарядка для сердца. – сетовал Черногоре, приходивший в себя.

– Может по пути есть какая пивная небольшая? – не терял надежды Тёмногонь.

– Метала ради, успокойтесь, осталось пройти квартал, и мы на месте. – расслабленно расхаживал Дубобит и наслаждался видами вокруг, как наслаждается любой, кто возвращается в родные и любимые для него места.

Я, Черногоре, Злыня и Тёмногонь расхлябанно плелись, теряя с каждой минутой ту энергию, эйфорию и драйв, которые с лёгкой руки давала скулька, в то время как Дубобит и Хорав бодро шагали по каменной кладке, с предвкушением ожидая наше недавнее состояние. Каждый шаг становился всё тяжелее, живот будто вздувался, лицо краснело, опьянение уже больше клонило в сон. Черногоре правильно сказал, необходимо было заправиться, иначе эта ночь будет проходить уже в тяжёлом сне.

Однако наши мучения не могли, как, в общем-то, и всё вокруг, быть бесконечными. Мы вышли на очередную улицу из очередных дворов.

– Вон то здание нам и нужно, осталось только дорогу перейти. – Хорав махнул рукой в сторону худого, с острыми чертами, но все-таки выше своих соседей, дома, который скорее по форме походил на четыре слитых воедино башни, пирамидальные крыши которых стояли напротив друг друга, создавая эдакий квадрат с несимметричными по высоте углами. Нижняя правая башня, ближайшая к нам, была чуть выше остальных, более сплюснута верхняя левая, ещё ниже и тоньше верхняя правая, и, самая младшая из них, но самая приемлемая по толщине, была нижняя левая. Дубобит говорил о том, что ворон живёт за скульптуркой, и в моей голове возникло такое представление о здании, будто оно действительно богато всего одной небольшой скульптурой. Теперь же передо мной представал целый ансамбль скульптурок между крышами и фасадом, а также по угловым периметрам. Камень же здания, кроме того, что был не чёрным, а тёмно-синим, так ещё и весь покрыт вырезанными в нём орнаментами, узорами и абстрактными рисунками.

– Да, такое здание явно сделано либо ювелиром, либо каким-нибудь художником, либо травяным жрецом-мудрецом. – заметил Черногоре.

– Слушай, ну если учесть, что этот Светич и ювелир, и бывший фанатик, то в принципе... – рассуждал Тёмногонь под одобрителное кивание Хорава.

– А кабак-то где? – перебил Злыня, оглядываясь по сторонам.

– Вон в ту сторону, через несколько домов. – Хорав указал направо. – Пару минут ходьбы от ювелира.

Переулок действительно был тёмный. Хоть бы какого-нибудь настенного факела завезли, не говоря уже о фонаре. Лишь разноцветные краски, которыми была зашпаклёвана по всей поверхности дверь, позволяли найти вход среди сливающегося мрака. Смугр, всё это время лавирующий на плече у Хорава, вглядывался в сторону скульптуры над дверью, начал каркать.

Ювелирная мастерская изнутри выглядела также недорого, но при этом стильно и необычно, как и снаружи, хоть и была вся будто захламлена всякими коробками, деталями и примочками. Салон был небольшим. За прилавком, где сидел большой седовласый и седобородый старик, с такого же цвета бровями и морщинистым лицом, комната заканчивалась тонкой металлической самодельной стеной с дверью, за которой, видимо, была остальная часть дома. По бокам висели полки с различными товарами и эскизами, а по всему периметру потолка была нарисована... стена с предсмертными Вратами по центру и тремя преддверьями справа. Гравировка, рисунки и прочие детали вызвали ощущение, будто картина максимально копировала те Врата, перед которыми представал я сам. Но как он мог так точно передать все детали стены? Либо он – гений, либо настолько часто оказывался перед ними, что сумел запомнить по крайней мере очень много моментов творения Метал-Бога.

– Приветствую тебя, Светич. – Хорав подошёл ближе к прилавку, положил сжатую в кулак руку на правую грудь и быстро, но с акцентом, кивнул головой.

Светич отвлёкся от какой-то сконцентрированной деятельности, спокойно поднял голову и обернулся в нашу сторону. Перед нами раскрылось испещрённое шрамами, морщинами и впадинами лицо. Но вместе с тем, как бы ни на кого, и одновременно на всех, уставились кислосизо-зелёные глаза, полные абсолютного спокойствия, не выдающие абсолютно никаких эмоций, мнений, рассуждений или полёта ежесекундных раздумий. Всматриваясь в них, ты будто бы начинал впадать в бездну, но не мрачную и безжизненную, а в такую, которая снимает с тебя все устои и надстройки, сформированные за всю жизнь, оставляя голым, наедине с необъятным и единым миром, миром, от которого каждый человек старается убежать с помощью мыслей, чуть только проснётся, миром, настолько полным всего и одновременно пустым, что любому существу, от его осознания, становится страшно. Светич кивнул в ответ и также спокойно вернулся к своей деятельности.

– Слушай, я тут ожерелье приобрёл, на вид добротное, хотел бы продать его как бы...

– Приобрёл или нашёл? – скрипуче-басовым голосом прорезал Светич, продолжая что-то проделывать под прилавком.

– Приобрёл, где бы я нашёл, если не...

– Я к тому спрашиваю, чтобы ко мне не пришли какие-то люди, спохватившиеся за свою утерянную вещицу.

– Да не, я у имперца одного заезжего купил на ярмарке. Похоже на что-то племенное, вот я и это...

Светич повернулся и взял ожерелье из рук Хорава, не успевшего рассказать свою историю, достал из прилавочного ящика лупу и стал разглядывать драгоценность.

– Племенное, говоришь... – задумчиво переспросил Светич.

– Купец так говорил. – пожал плечами Хорав.

– Когда ты его рассматривал, с чем племенным ты связал эту мёртвую голову в форме кубка? – Светич усиленно рассматривал выгравированную на висящей части патлатую голову без одного глаза и с высунутым языком.

– Ну, я подумал про победу над кем-то. – неуверенно ответил Хорав.

– Но голова не нежити и не упыря. – прищурился ювелир.

– Ожерелье выглядит старым, может оно было создано ещё в эпоху Гротов и Арен? – предположил Хорав.

– А тридцать один – это количество побед?

– Тридцать один? Где там тридцать один?

Светич поднёс к Хораву злато и указал на обнимающую голову тремя пальцами скелетную ладонь, и на ладонь, схватившуюся за ухо, с откиннутым большим пальцем.

– А-а-а, это тридцать один? Я думал, что это просто, ну, руки голову держат.

– В эпоху Гротов и Арен ожерелья такого качества не носили. Нет, это ожерелье хоть и, действительно, старое, но не настолько. Максимум век-полтора. И сделано оно, может, и племенным мастером, но предназначалось явно не для племенного, братского или ещё какого жителя сени Метал-Бога. Это ожерелье было выковано для боярина или князя Бессмертия, а тридцать один – количество его захваченных душ. Иметь такое количество крепостных в масштабах всего Государства – мелочь, но в масштабах отдельной губернии, а то и уезда – почётно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.